

ПРАВО И ПОЛИТИКА

научный юридический журнал

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

AURORA Group s.r.o.

nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-03-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2454-0706

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-03-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2454-0706

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (Университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, г. Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. г. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Толстолицкий Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор, Нижний Новгород, ННГУ, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Гладышева Ольга Владимировна – доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра уголовного процесса, 350900, Россия, г. Краснодар, ул. В.Ткачева, 141

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Бадинтер Робер - доктор юридических наук, профессор Университета Париж-I (Пантеон-Сорбонна), член Сената Франции, экс-председатель Конституционного Совета Франции, экс-министр юстиции Франции. 1, rue Thenard, 75005, Paris. France.

Волох Владимир Александрович - доктор политических наук, профессор кафедры

государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления. Рязанский проспект, 99, г. Москва, Россия, 109542; E-mail: v.volokh@yandex.ru

Даниленко Денис Васильевич – доктор права, Университет Экс-Марсель (Aix-Marseille Universite, France) главный редактор журнала «Международное право и международные организации» и журнала «Право и политика», исполнительный директор Академической издательской группы NOTA BENE - ООО "НБ-Медиа". 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ковлер Анатолий Иванович - доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Люббе-Вольф Гертруда - доктор права, профессор, судья Конституционного суда ФРГ. Bundesverfassungsgericht, Schlossbezirk 3, 76131 Karlsruhe, Germany/Postfach 1771, 76006 Karlsruhe, Germany

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзнуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Саидов Акмаль Холматович - доктор юридических наук, профессор, директор Института по правам человека Республики Узбекистан, председатель Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 100035, Ташкент, пр. Бунёдкор 1.

Уве Хелльманн – доктор права, профессор Потсдамского университета. Заведующий кафедрой уголовного и экономического права. Am Neuen Palais 10, House 09 14469 Potsdam

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Шунеманн Берндт - доктор права, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса, философии и социологии права Людвиг-Максимилиан (Мюнхен) университета (г.Мюнхен, ФРГ). Raum 106, Ludwigstrasse., 29. 80539, Munchen, Deutschland.

Смахтин Евгений Владимирович - доктор юридических наук, профессор кафедры Уголовного права и процесса Тюменский государственный университет 625003, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Республики, 14/9 smaxt@yandex.ru

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции». 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. iaminnikes@yandex.ru

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Кембаев Женис Мухтарович – доктор права, Университет КИМЭП, юридический факультет, профессор, Проспект Абая 2, г. Алматы 050010, Казахстан, kembayev@kimep.kz

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Артемов Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и бухгалтерского учета Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. 123995. Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Боташева Асият Казиевна - доктор политических наук, профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью Института международных отношений ФГБОУ ВО "Пятигорский государственный университет". 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Чернядзева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12,

12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснская, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Демичев Алексей Андреевич - доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданского права и процесса, Нижегородская академия МВД РФ. Г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3. 603950. Бокс 268.

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский

государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Крохина Юлия Александровна - доктор юридических наук, Московский государственный университет им. Ломоносова, Заведующая кафедрой правовых дисциплин, Высшая школа государственного аудита (факультет), 127572, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новгородская улица, д 38, Москва, 38, кв. 4, jkrokhina@mail.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Литвинова Татьяна Николаевна - доктор политических наук, Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел, профессор кафедры регионального управления и национальной политики, 143005, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Чикина, 9, кв. 99, tantin@mail.ru

Мезяев Александр Борисович - доктор юридических наук, Университет управления ТИСБИ, зав. кафедрой международного права, профессор, 420012, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, 13, оф. 248, alexmezyaev@gmail.com

Никитина Ирина Эдуардовна - доктор юридических наук, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, главный научный сотрудник, 141080, Россия, Московская область, г. Королев, ул. Легостаева, 4, кв. 293, irinanikitina23@rambler.ru

Панченко Владислав Юрьевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, 119296, Россия, г. Москва, ул. Вавилова, 52 к 1, кв. 20, panchenkovlad@mail.ru

Попова Светлана Михайловна - PhD of Political Science. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Ведущий научный сотрудник, 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6 к.1, sv-2002-1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmomos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией, 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Уваров Александр Анатольевич - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции Сочинский филиал, профессор, Международный инновационный университет, профессор, 354057, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Альпийская, 27, кв. 22, uvarov.al@mail.ru

Council of editors

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, UNN, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, tolvlad@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Gladysheva Olga Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of Criminal Procedure, 141 V.Tkacheva str., Krasnodar, 350900, Russia

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Volokh Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management. Ryazan Avenue, 99, Moscow, Russia, 109542; E-mail: v.volokh@yandex.ru

Denis Vasilyevich Danilenko – Doctor of Law, Aix-Marseille University (Aix-Marseille Université, France) Editor-in-chief of the journal "International Law and International Organizations" and the journal "Law and Politics", Executive Director of the Academic Publishing Group NOTA BENE - NB-Media LLC. 115114, Moscow, Paveletskaya embankment, house 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Lubbe-Wolf Gertrude - Doctor of Law, Professor, judge of the Constitutional Court of Germany. Bundesverfassungsgericht, Schlossbezirk 3, 76131 Karlsruhe, Germany/Postfach 1771, 76006 Karlsruhe, Germany

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Akmal Kholmatovich Saidov - Doctor of Law, Professor, Director of the Institute for Human Rights of the Republic of Uzbekistan, Chairman of the Committee of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. 100035, Tashkent, Bunyodkor ave. 1.

Uwe Hellmann is a Doctor of Law, professor at the University of Potsdam. Head of the Department of Criminal and Economic Law. Am Neuen Palais 10, House 09 14469 Potsdam

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Schoenemann Berndt - Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, Philosophy and Sociology of Law Ludwig Maximilian (Munich) University (Munich, Germany). Raum 106, Ludwigstrasse., 29. 80539, Munchen, Deutschland.

Smakhtin Evgeny Vladimirovich - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Procedure Tyumen State University 625003, Russia, Tyumen region, Tyumen, Republic str., 14/9 smaxt@yandex.ru

Minnikes Irina Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice. 664011, Irkutsk, Nekrasova str. , 4. iaminnikes@yandex.ru

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal

University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Zhenis Mukhtarovich Kembayev – Doctor of Law, KIMEP University, Faculty of Law, Professor, Abaya Avenue 2, Almaty 050010, Kazakhstan, kembayev@kimep.kz

Boyarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Artemov Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Financial Law and Accounting of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin. 123995. Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9.

Asiyat Kazievna Botasheva - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Journalism, Media Communications and Public Relations of the Institute of International Relations of the Pyatigorsk State University. 357532, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice. chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia, aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, Kutafin Moscow State University of Law (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, 123995, Russia, office 721, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Demichev Alexey Andreevich - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3. 603950. Box 268.

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kezhutin Andrey Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volga Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, M. Gorky str., 160, sq. 58, kezhutin@rambler.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, "All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Konovalov Igor Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Omsk State Agricultural University named after F. M. Dostoevsky, Dean of the Faculty of Law, 644050, Russia, Omsk region, Omsk, lane. Kombinatsky, 4, sq. 48, konov77@mail.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Yulia Aleksandrovna Krokhina - Doctor of Law, Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Legal Disciplines, Higher School of State Audit (Faculty), 127572, Russia, Moscow region, Moscow, Novgorodskaya street, 38, Moscow, 38, sq. 4, jkrokhina@mail.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Litvinova Tatiana Nikolaevna - Doctor of Political Sciences, Odintsovo Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs, Professor of the Department of Regional Management and National Policy, 143005, Russia, Moscow region, Odintsovo, Chikina str., 9, sq. 99, tantin@mail.ru

Mezuyaev Alexander Borisovich - Doctor of Law, TISBI University of Management, Head of the Department of International Law, Professor, 420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, 13 Mushtari str., office 248, alexmezuyaev@gmail.com

Nikitina Irina Eduardovna - Doctor of Law, FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, Chief Researcher, 141080, Russia, Moscow region, Korolev, Legostaeva str., 4, sq. 293, irinanikitina23@rambler.ru

Panchenko Vladislav Yurievich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Linguistic University" , Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, 119296, Russia, Moscow, Vavilova str., 52 k 1, sq. 20, panchenkovlad@mail.ru

Popova Svetlana Mikhailovna - PhD of Political Science. Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, 6 k.1, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia, sv-2002-1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk Region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 720072, Kyrgyzstan, Bishkek, Tuleberdieva str., 80, saifutdinovt@bk.ru

Alexander A. Uvarov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice Sochi Branch, Professor, International Innovation University, Professor, 354057, Russia, Krasnodar Territory, Sochi, Alpiyskaya str., 27, sq. 22, uvarov.al@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Стройков С.П. Итоги парламентских выборов 2024 в Узбекистане и модернизация электоральных процессов	1
Кутовой Н.С. Национализация, экспроприация и конфискация в системе оснований прекращения права собственности волею государства: сравнительный анализ	12
Волкова М.А., Букаева И.Н. Цифровая валюта в системе объектов правоотношений	23
Троянов Я.О. Общественная опасность картелей и цель их криминализации	36
Белышков Д.С. Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации	52
Новиков П.А. Совершенствования механизма защиты специальной категории персональных данных	65
Англоязычные метаданные	78

Contents

Stroikov S.P. The results of the 2024 parliamentary elections in Uzbekistan and the modernization of electoral processes	1
Kutovoi N.S. Nationalization, Expropriation, and Confiscation as the Grounds for Termination of Property Rights by the Will of the State: A Comparative Analysis	12
Volkova M.A., Bukaeva I.N. Digital currencies in the system of objects of legal relations	23
Troyanov Y.O. The social danger of cartels and the purpose of their criminalization	36
Belyshkov D.S. The constitutional prohibition of the use of evidence obtained in violation of the law in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation	52
Novikov P.A. Improving the mechanism of protection of a special category of personal data	65
Metadata in english	78

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Стройков С.П. Итоги парламентских выборов 2024 в Узбекистане и модернизация электоральных процессов // Право и политика. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73039 EDN: VHBVBF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73039

Итоги парламентских выборов 2024 в Узбекистане и модернизация электоральных процессов

Стройков Сергей Петрович

аспирант, кафедра сравнительной политологии; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ a_a_chernenko@mail.ru

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.2.73039

EDN:

VHBVBF

Дата направления статьи в редакцию:

15-01-2025

Дата публикации:

03-02-2025

Аннотация: В статье анализируются итоги парламентских выборов в Узбекистане 2024 года и их значение в контексте продолжающихся политических реформ. Особое внимание уделяется внедрению смешанной избирательной системы, которая сочетает пропорциональное и мажоритарное представительство, а также техническим нововведениям, таким как электронное голосование и оптимизированные избирательные бюллетени. В данной статье рассмотрены основные аспекты парламентских выборов в Узбекистане, включая законодательные реформы, политическую конкуренцию и влияние выборов на государственное управление. Целью данного исследования является анализ особенностей парламентских выборов в Узбекистане в 2024 году в контексте проводимых политических реформ и демократизации страны, с акцентом на оценку эффективности новой смешанной избирательной системы, уровня политической

конкуренции, гражданского участия и прозрачности избирательного процесса. Методология исследования основана на обзоре современных исследований; на качественном и количественном анализе экспертных оценок и публикаций в СМИ. Показаны положительные изменения, направленные на повышение прозрачности выборного процесса и инклюзивности, включая усиление роли женщин и этнических меньшинств в политике. Наряду с этим выделены ключевые проблемы, включая ограниченную политическую конкуренцию, недостатки гражданского наблюдения и строгие ограничения на предвыборную агитацию. Ограничения на гражданское наблюдение, недостаточная независимость оппозиционных партий и низкий уровень конкуренции остаются ключевыми вызовами для дальнейшего укрепления демократических институтов. Существующие этические нормы и агитационные ограничения требуют пересмотра с целью повышения интереса к выборам и прозрачности политической борьбы. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования избирательной системы, направленного на укрепление демократических институтов, развитие политического плюрализма и повышение доверия граждан к избирательным процессам.

Ключевые слова:

Выборы, избирательная система, политика, Узбекистан, демократизация, избирательные кампании, парламентские выборы, электронное голосование, смешанная избирательная система, избирательный процесс

Парламентские выборы в Узбекистане играют важную роль в формировании государственной власти и отражают динамику политических и социальных преобразований. С момента обретения независимости в 1991 году страна прошла несколько этапов реформ избирательной системы и института парламента. В данной статье рассмотрены основные аспекты парламентских выборов в Узбекистане, включая законодательные реформы, политическую конкуренцию и влияние выборов на государственное управление.

Пропрезидентская партия УзЛиДеП получила 64 из 150 мест (42,7%), «Миллий тикланиш» — 29 мест (19,3%), «Адолат» — 21 место (14%), НДПУ — 20 мест (13%) и Экопартия — 16 мест (10,7%).

Главным нововведением прошедшей кампании стал переход на смешанную избирательную систему (СИС). Смешанная избирательная система сочетает мажоритарное и пропорциональное представительство, что способствует балансу между личной ответственностью депутатов и пропорциональностью партийного представительства.

Выборы проходили в условиях особого внимания к вопросам инклюзивности — вовлечения женщин и этнических меньшинств в законодательный и политический процесс. Одновременно с этим была произведена реформа формата избирательного бюллетеня для сокращения государственных расходов и оптимизации средств при проведении избирательных кампаний. Впервые было протестировано электронное голосование в рамках эксперимента.

Целью данного исследования является анализ особенностей парламентских выборов в Узбекистане 2024 года в контексте проводимых политических реформ и демократизации страны, с акцентом на оценку эффективности новой смешанной избирательной системы,

уровня политической конкуренции, гражданского участия и прозрачности избирательного процесса.

Обзор современных исследований

После распада Советского Союза, Узбекистан утвердил Конституцию, которая определила разделение властей и структуру парламента — Олий Мажлиса (Tursunov 2021)^[1]. В парламенте представлено две палаты: Законодательная палата и Сенат. Члены Сената избираются из числа местных советов и назначаются президентом, что сохраняет значительное влияние исполнительной власти (Karimov 2011)^[2].

Особенности Центральной Азии освещены в работе [Гарбузарова 2024: 483]^[3], Узбекистана в статьях [Ионова 2021: 100]^[4].

Изменение избирательной системы государства призвано решить проблемы, с которыми сталкивается политическая система в целом. Наиболее значимой причиной можно назвать недоверие текущей избирательной системе, низкий уровень популярности среди избирателей.

В Британии реформы рассматривались как способ улучшить пропорциональность и сохранить связь депутатов с избирателями. (Dunleavy, Margetts 1999)^[5]. В Италии, Японии и Новой Зеландии реформы начала 1990-х годов были вызваны системными сбоями и изменениями партийной конкуренции (Sakamoto 1999)^[6]. В Канаде обсуждение перехода к СИС велось для уменьшения искажений представительства и укрепления доверия граждан (Cyr 2016)^[7].

Среди причин реформ можно выделить усиление партийной роли в принятии политических решений. Ожидаемые эффекты от реформ не всегда совпадают с фактическими результатами. В Италии переход к смешанной системе в 1993 году способствовал снижению поляризации и сменяемости власти, но не достиг всех заявленных целей по сокращению партийной фрагментации (Katz 2006)^[8].

В странах Северной Европы внедрение СИС могло бы привести к доминированию крупных партий и необходимости блокирования мелких партий с крупными союзниками (Lundell 2008)^[9].

Стабильность и коалиционные правительства могут быть другой причиной для проведения избирательной реформы. Отдельно можно выделить стремление поменять стратегии партий на выборах, чтобы изменить соотношение затраченных средств и уровня агитации в мажоритарных и пропорциональных системах. В Германии кандидаты, избирающиеся по одномандатным округам, имеют более высокие шансы на переизбрание по сравнению с кандидатами по партийным спискам (Manow 2007)^[10].

Есть примеры, когда реформирование избирательной системы проводится для установления более жёсткой дисциплины внутри законодательного органа. Депутаты, избранные по мажоритарным округам, чаще отклоняются от партийной линии по сравнению с депутатами из списков (Sieberer, 2010).

Смена избирательной системы на смешанную имеет потенциал для достижения баланса между пропорциональностью и ответственностью депутатов перед избирателями. Однако результаты зависят от конкретного дизайна системы и политического контекста. Опыт различных стран показывает, что переход к смешанной системе требует учёта партийной

динамики и механизмов обеспечения стабильности правительства.

Выборы в новых условиях

Выборы в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан прошли 27 октября 2024 года. Избирались 150 депутатов нижней палаты парламента. Избирательная кампания прошла в новых условиях, впервые в истории страны была применена смешанная избирательная система. В рамках данного нововведения 75 депутатов избирались по пропорциональной системе, а другие 75 по мажоритарной. В республике действует 7%-й барьер, который необходимо преодолеть партиям для прохождения в парламент. Все участвовавшие в выборах партии его преодолели. Для того, чтобы выборы были признаны состоявшимися, необходимо набрать явку в 33%.

Согласно официальным данным Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан, явка на выборах составила 74,72% избирателей [ЦИК РУЗ 2024]^[11]. Распределение 75 мест по единому избирательному округу среди партий указаны в Таблице №1.

Таблица 1 - Официальные результаты выборов в парламент Узбекистана 2024 года на основе данных ЦИК РУЗ по пропорциональной системе

№	Политические партии, участвующие в распределении депутатских мест	Количество отданных голосов	Результат деления на избирательный коэффициент (199 282)	Предварительное распределение	Не распределенные депутатские места
1	Движение предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократическая партия Узбекистана	5 194 041	26,063737	26	2
2	Демократическая партия Узбекистана «Миллий тикланиш»	2 812 493	14,113111	14	
3	Экологическая партия Узбекистана	1 960 764	9,839129	9	
4	Народно-демократическая партия Узбекистана	2 558 016	12,836144	12	
5	Социал-демократическая партия Узбекистана «Адолат»	2 420 857	12,147879	12	
	ВСЕГО	14 946 171	75	73	

После предварительного распределения мест, 2 мандата остались вакантными, их перераспределили партиям с наибольшим остатком после деления на избирательный коэффициент. Последний подсчитывается следующим образом: общее количество проголосовавших делят на 75 мест. В ходе этих выборов, вычисления получились такими: 14 946 171 голос делится на 75 мест и получается 199 282 — избирательный коэффициент. Больше всего мест набрала пропрезидентская «Движение предпринимателей и деловых людей — Либерально-демократическая партия Узбекистана» (УзЛиДеП) — 26 мест. Меньше всего — Экологическая партия с 10 местами.

Похожие результаты партии показали по одномандатным округам. Больше всего у партии УзЛиДеП — 38, меньше всего у Экопартии — 6. Полные результаты представлены в Таблице №2. Из 150 мест УзЛиДеП получила 64, «Миллий тикланиш» 29, Адолат 21, НДПУ 20, Экопартия 16.

Таблица 2 - Официальные результаты выборов в парламент Узбекистана 2024 года на основе данных ЦИК РУЗ по мажоритарной системе

№	Политические партии, участвующие в распределении депутатских мест	Количество отданных голосов	Предварительное распределение
1	Движение предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократическая партия Узбекистана	5 194 041	38
2	Демократическая партия Узбекистана «Миллий тикланиш»	2 812 493	15
3	Экологическая партия Узбекистана	1 960 764	9
4	Народно-демократическая партия Узбекистана	2 558 016	7
5	Социал-демократическая партия Узбекистана «Адолат»	2 420 857	6
	ВСЕГО	14 946 171	75

Нижняя палата обновилась примерно на 60%. Переизбраться удалось почти 43% депутатов, в прошлом созыве эта цифра была меньше — только 27%.

Результаты выборов 2024 года показали значительный прогресс в демократизации электорального процесса. Однако для повышения политической конкуренции необходимо дальнейшее развитие механизмов поддержки оппозиционных партий и независимых кандидатов

Согласно отчёту ОБСЕ, законодательство Узбекистана не предусматривает гражданского наблюдения за выборами внутренними политическими силами, что нарушает международные стандарты прозрачности [OSCE 2024]^[12]. Наблюдение осуществлялось международными организациями, политическими партиями и аккредитованными СМИ. Международные наблюдатели сообщили о нарушениях в день голосования, включая случаи многократного голосования и недостаточные меры по проверке правомочности избирателей.

Демократизация избирательного процесса

Формирование избирательной системы в 1991-2005 годах стало первым этапом реформ. После принятия Конституции 1992 года был создан двухпалатный парламент — Олий Мажлис, состоящий из Законодательной палаты и Сената (Karimov 2011)^[13]. Первые парламентские выборы проходили на основе мажоритарной системы, при этом оппозиционные партии были исключены из участия в выборах, что снижало уровень политической конкуренции (Борисов 2008)^[14].

Следующий этап приходится на 2005-2016 года, когда происходит усиление парламентского контроля. Реформы этого периода были направлены на укрепление роли парламента в системе государственной власти. Был введён механизм парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти, а также расширены полномочия Сената (Nakimov 2016)^[15].

С 2016 года начинается период «Нового Узбекистана» с приходом к власти президента Шавката Мирзиёева. При нём начался новый этап реформ, направленный на либерализацию политической системы и повышение прозрачности выборов (Avatkov, Rozhkova 2023)^[16]. В 2019 году был принят новый Избирательный кодекс, объединивший ранее существовавшие законодательные акты и установивший единые правила для всех уровней выборов (Muhamedovna 2019)^[17]. До сих пор продолжается реформирование избирательной системы. Ключевым изменением стал переход к смешанной системе. Несмотря на реформы, политическая конкуренция остаётся ограниченной. Большинство зарегистрированных партий придерживаются пропрезидентской линии, а независимые кандидаты имеют ограниченный доступ к выборам (Борисов 2008)^[18].

Для повышения прозрачности выборов внедрялись новые технологии, включая электронные списки избирателей и онлайн-мониторинг выборов (Tursunov, Valiev 2021)^[19]. Политические партии получили больше возможностей для участия в избирательных кампаниях и формирования предвыборных коалиций. Однако оппозиционные силы по-прежнему сталкиваются с ограничениями в регистрации и доступе к СМИ. Роль международных наблюдателей, таких как ОБСЕ, увеличилась для обеспечения прозрачности и справедливости выборов (Karimov 2023)^[20].

Инклюзивность на выборах

Помимо демократизации электорального процесса и внедрения технических изменений, в Узбекистане особое внимание уделяют роли женщин в политическом процессе. Согласно законодательству, 40% партийных кандидатов обязаны быть женщинами. В 2019 году избрались 48 депутатов женщин или 32% от общего количества [Dunyo 2024]^[21]. На выборах 2024 года половина всех кандидатов были женщины — почти 45%. По итогам прошедшего электорального цикла, был зафиксирован новый рекорд среди женщин-депутатов — 38%, что стало самым большим числом за всю историю

узбекистанского парламента [Gazeta UZ 2024]^[22].

Несмотря на это, женщины остаются недостаточно представленными на руководящих должностях. Только 2 из 27 министров и 4 из 12 членов Высшего судейского совета — женщины [GOV UZ 2024]^[23].

Отдельной темой стал этнический состав парламента. Во время кампании ЦИК Узбекистана неоднократно подчёркивал роль этнических меньшинств, которые зарегистрировались кандидатами на выборах. Среди названных этносов отдельно были выделены таджики, казахи, туркмены, кыргызы и русские [ЦИК РУЗ 2024]^[24]. Тренд на инклюзивность затронул лица с ограниченными возможностями, в новый созыв попало 3 представителя этой группы.

Технические изменения

В рамках парламентских выборов 2024 года в Узбекистане была внедрена новая форма избирательных бюллетеней. Бюллетени стали компактнее и различаются по цветам для каждого уровня выборов. Эти изменения были направлены на оптимизацию подсчёта голосов и сокращение издержек на проведение выборов. Предполагается, что нововведение позволит сэкономить не менее 3 млрд сумов на печати бюллетеней и сократит время подсчёта голосов на час, уменьшив нагрузку на избирательные комиссии (Gazeta UZ 2024)^[25].

Исследования показывают, что изменение формы и дизайна бюллетеней может влиять на избирательное поведение и эффективность выборного процесса:

- **Улучшение удобства для избирателей:** Компактные и цветные бюллетени могут снижать уровень ошибок при голосовании и облегчать процесс выбора кандидатов (Herrnson 2012)^[26].
- **Снижение времени подсчёта:** Оптимизация бюллетеней уменьшает время обработки результатов, что может повысить доверие к прозрачности выборов.
- **Экономия ресурсов:** Сокращение затрат на печать и логистику бюллетеней снижает государственные расходы на избирательные кампании (Gazeta UZ 2024)^[27].

Внедрение новых бюллетеней в Узбекистане демонстрирует стремление к повышению эффективности выборов через технологические и организационные реформы. Эти меры могут способствовать повышению доверия граждан к избирательной системе и улучшению административного процесса голосования.

Другим техническим новшеством стал эксперимент по проведению электронного голосования. Цифровизация процесса голосования затронула 10 участков, где граждане могли выбрать способ голосования, традиционно с помощью бумажного бюллетеня или через комплекс электронного голосования на участке.

Агитация

Из-за низкого уровня конкуренции на прошедших выборах агитационные возможности кандидатов были ограничены. За месяц до выборов представители всех участвовавших партий подписали этические правила проведения агитации [Gazeta UZ 2024]^[28]. Среди нововведений появился запрет на использование фейк-новостей, искусственного интеллекта для создания видео- и аудио контента для негативной, критикующей агитации против оппонентов.

В статье [Peters 2009] указывается, что этические ограничения на поведение кандидатов необходимы для поддержания уровня доверия общества к избирательной системе и могут уменьшить поляризацию общества [29]. Однако строгие этические нормы иногда снижают уровень прозрачности и подотчётности перед избирателями. В случае Узбекистана, ограничения на любую критику оппонентов снижают интерес к выборам в целом. И хотя манипуляции и ложь на выборах снижают к ним доверие среди избирателей [Rowbottom 2012] [30], избирательная кампания 2024 года не отличалась поляризацией внутри общества, чтобы накладывать такие ограничения добровольно. В результате такой самоцензуры, избиратели не видят разницы между партиями и кандидатами, а их знания о них окажутся недостаточными. Кандидаты избегали критики в адрес друг друга и партий, что снижает уровень доверия к выборам.

Введение смешанной избирательной системы традиционно рассматривается как механизм повышения конкурентности и привлекательности выборов, способствующий более справедливому распределению ответственности между партиями и независимыми кандидатами. Однако на парламентских выборах в Узбекистане 2024 года этот эффект не был достигнут.

Среди наиболее распространённых методов агитации была наружная агитация в виде баннеров и плакатов в людных местах, а также реклама на телевидении, интернете и социальных сетях. Отдельные кандидаты проводили агитацию публично, организовывали встречи с избирателями в закрытом формате. Чаще всего это были встречи с активом и сторонниками партии. Избирателей мобилизовывали на встречи махаллинские комитеты — органы местного самоуправления Узбекистана.

Опубликованные программы партий затрагивали схожие темы, и лишь в отдельных случаях кандидаты обращались к конкретным местным проблемам. Это также снижало интерес избирателей к агитации и выборам в целом.

Положительным аспектом стали предвыборные дебаты, организованные пятью частными телеканалами и впервые новостным порталом Kun.uz. Однако время трансляции (17:00) ограничивало потенциальную аудиторию.

Миссия БДИПЧ указала на недостаточную прозрачность и неэффективный надзор за финансированием избирательных кампаний. Основные проблемы включают:

- **Запрет на частные пожертвования:** Финансирование агитации осуществляется исключительно из государственного бюджета для зарегистрированных партий, что ограничивает возможности для альтернативных источников поддержки и препятствует развитию политического плюрализма.
- **Отсутствие прозрачности:** Нормативная база в области финансирования не обеспечивает прозрачного контроля и общественного надзора, что противоречит международным стандартам.

Выводы

Парламентские выборы в Узбекистане 2024 года продемонстрировали значительный прогресс в демократизации электорального процесса страны. Введение смешанной избирательной системы позволило достичь большей сбалансированности между пропорциональным представительством политических партий и персональной ответственностью депутатов перед избирателями. Реформа бюллетеней и внедрение электронного голосования стали важными техническими нововведениями, направленными на повышение эффективности и прозрачности избирательного процесса.

Несмотря на позитивные изменения, выборы выявили и ряд проблемных аспектов. Ограничения на гражданское наблюдение, недостаточная независимость оппозиционных партий и низкий уровень конкуренции остаются ключевыми вызовами для дальнейшего укрепления демократических институтов. Существующие этические нормы и агитационные ограничения требуют пересмотра с целью повышения интереса к выборам и прозрачности политической борьбы.

Достижения последних реформ свидетельствуют о намерении Узбекистана продолжать движение в направлении демократизации. Для дальнейшего развития избирательной системы необходимы меры по расширению политической конкуренции, усилению независимости надзорных механизмов и активному вовлечению граждан в избирательный процесс. Усилия в этих направлениях способны укрепить доверие граждан к демократическим институтам и улучшить качество государственного управления в стране.

Библиография

1. Tursunov Q. New Uzbekistan and election legislation. Current research journal of philological sciences. 2021. <https://doi.org/10.37547/philological-crjps-02-12-10>.
2. Karimov I. Uzbekistan. World Statistics Pocketbook 2010. <https://doi.org/10.30875/7cee09ea-en>.
3. Гарбузарова Е.Г. Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. -2024.-Т. 26.-№3.-С. 477-490. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490
4. ИONOBA E. ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В УЗБЕКИСТАНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС Ш. МИРЗИЁЕВА // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 4. С. 97-114. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-4-97-114>
5. Dunleavy P., Margetts H. Mixed Electoral Systems in Britain and the Jenkins Commission on Electoral Reform. 1999. The British Journal of Politics and International Relations, 1, 12-38. <https://doi.org/10.1111/1467-856X.00002>.
6. Sakamoto T. Explaining Electoral Reform. Party Politics, 5, 419. 1999. p. 438. <https://doi.org/10.1177/1354068899005004001>.
7. Cyr H. Implementing Electoral Reform: Specific Issues with Regard to Forming and Maintaining a Responsible and Legitimate Government in Our Parliamentary Democracy. 2016.
8. Katz R. Electoral Reform in Italy: Expectations and Results. Acta Politica, 41, 285-299. 2006. <https://doi.org/10.1057/PALGRAVE.AP.5500161>.
9. Lundell K. Electoral Reform and Party System Change: An Analysis of Nordic Elections with Two Different Electoral Systems. Scandinavian Political Studies, 31. 2008. p. 363-383. <https://doi.org/10.1111/J.1467-9477.2008.00215.X>.
10. Manow P. Electoral rules and legislative turnover: Evidence from Germany's mixed electoral system. West European Politics, 30, 195-207. 2007. <https://doi.org/10.1080/01402380601019852>.
11. Karimov I. Uzbekistan. World Statistics Pocketbook 2010. <https://doi.org/10.30875/7cee09ea-en>.
12. Nikolai B. The political process in Uzbekistan today: trends and prospects. Central Asia and the Caucasus. 2002.
13. Hakimov R. Development of the legal framework of parliamentary control in Uzbekistan: the main provisions of the law "on parliamentary control. International Journal of Approximate Reasoning, 4, 2068-2072. 2016. <https://doi.org/10.21474/IJAR01/1691>.
14. Avatkov V., Rozhkova Z. Change of Political System and Presidential Elections in

Uzbekistan in 2023. Russia and New States of Eurasia. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-72-81>.

15. Muhamedovna S., Ravshanbekovna F., Ogli D. Content of elections and election legislation in Uzbekistan, 8. 2019. <https://doi.org/10.21070/IJPPR.V8I0.148>.

16. Nikolai B. The political process in Uzbekistan today: trends and prospects. Central Asia and the Caucasus. 2008.

17. Tursunov, A., & Valiev, S. Prospects for further development of the National parliament in new Uzbekistan. Общество и инновации. 2021. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-VOL1-ISS3-PP32-39>.

18. Karimov, T. Stages of Development of the Legal Basis of Parliamentary Control in the Republic of Uzbekistan. International Journal of Social Science and Human Research. 2023. <https://doi.org/10.47191/ijsshr/v6-i8-53>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

Предмет исследования модернизация электоральной системы и итоги парламентских выборов в Узбекистане в 2024 г.

Методология исследования. В статье автор не пишет о методологических аспектах исследования, однако из текста можно понять, что при написании статьи автор опирался на методы системного, сравнительного, проблемного, структурно-функционального, институционального анализа.

Актуальность. Автор статьи отмечает, что «Парламентские выборы в Узбекистане играют важную роль в формировании государственной власти и отражают динамику политических и социальных преобразований», которые страна прошла с 1991 г. Особенностью выборной кампании 2024 года было то, что они проходили в условиях смешанной выборной системы, которая сочетает «мажоритарное пропорциональное представительство» и в статье ставилась цель оценить эффективность новой избирательной системы, выявить уровень политической конкуренции и влияние выборов на политическую систему страны. Актуальность статьи не вызывает сомнений.

Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна обусловлена также тем, что в статье проведен системный анализ избирательной системы Узбекистана и проведен комплексный анализ итогов выборов 2024 года.

Стиль, структура, содержание. Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный, есть элементы описательности, что делает статью доступной и понятной для широкого круга читателей. Структура работы направлена на достижение цели, которая состоит во всестороннем «анализе особенностей парламентских выборов в Узбекистане 2024 года в контексте проводимых политических реформ и демократизации страны, с акцентом на оценку эффективности новой смешанной избирательной системы, уровня политической конкуренции, гражданского участия и прозрачности избирательного процесса» и задач исследования. Структура работы составлена хорошо, имеются подзаголовки, которые позволяют читателю адекватно воспринимать научный материал и более глубоко разобраться в исследуемой теме. Статья начинается с небольшой вводной части, в которой раскрывается актуальность темы и раскрыта цель статьи. Затем автор дает качественный обзор современных исследований касающихся реформ выборной системы в Центральной Азии в целом, так и в Узбекистане, а также в Британии, Японии, Канаде, странах Северной Европы и т.д., отмечает преимущества

смешанной избирательной системы и ее недостатки. Показаны итоги выборов 2024 года в Узбекистане, отмечены и дана анализ нововведений в выборном процессе, какие были нововведения в выборном процессе, технические новшества, прозрачность выборного процесса, агитационная деятельность и т.д. В заключении автор приводит объективные выводы по теме исследования. Текст логически выстроен и последовательно изложен. Текст информативен и читается легко.

Библиография. Библиография статьи состоит из 18 работ на русском и английском языке по теме исследования. Библиография работы актуальна и в достаточной мере отражает современное состояние рассматриваемой в работе проблемы. Библиография оформлена грамотно.

Апелляция к оппонентам. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над темой статьи информации.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья подготовлена на актуальную тему и будет специалистам и всем, кто интересуется электоральными процессами в Центральной Азии.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Кутовой Н.С. Национализация, экспроприация и конфискация в системе оснований прекращения права собственности волею государства: сравнительный анализ // Право и политика. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73468 EDN: HBXAMY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73468

Национализация, экспроприация и конфискация в системе оснований прекращения права собственности волею государства: сравнительный анализ

Кутовой Никита Сергеевич

Адвокат, Адвокатский кабинет Кутового Никиты Сергеевича

195160, Россия, г. Санкт-Петербург, Свердловская наб., 44, литера Д, этаж 4, оф. 414

✉ nk@kutovoi.ru

[Статья из рубрики "Конфликт: инструменты стабилизации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.2.73468

EDN:

HBXAMY

Дата направления статьи в редакцию:

20-02-2025

Дата публикации:

27-02-2025

Аннотация: Статья посвящена правовому анализу механизмов принудительного прекращения права собственности по инициативе государства, включая национализацию, экспроприацию и конфискацию. В современных условиях, особенно в свете геополитических изменений, вопросы изъятия имущества частных и юридических лиц приобретают особую значимость. В работе рассматриваются теоретические основы этих правовых институтов, их нормативное закрепление в российском законодательстве, а также соответствие международным стандартам. Особое внимание уделено практике национализации имущества иностранных компаний и физических лиц, в том числе в контексте экономических санкций и политических решений. Автор анализирует существующие пробелы в законодательстве, связанные с отсутствием четких

определений экспроприации и процедурных механизмов национализации. Рассматриваются различные модели регулирования данного вопроса в зарубежных странах, таких как США, государства Европейского Союза, Венесуэла и Германия. Исследуются правовые последствия принудительного изъятия собственности и возможные направления совершенствования законодательства Российской Федерации для повышения его предсказуемости и защиты интересов собственников. В работе используется сравнительно-правовой метод, позволяющий выявить ключевые различия между национализацией, экспроприацией и конфискацией. Также применяются методы исторического анализа, формально-юридический метод и доктринальное исследование правовых норм. Научная новизна статьи заключается в систематизации понятий национализации, экспроприации и конфискации, выявлении их правовых признаков и различий. Автор обосновывает необходимость закрепления в российском законодательстве четкого определения экспроприации, а также разработки специального закона о национализации, который обеспечит правовую определенность процедуры и защиту прав собственников. В статье показано, что в международной практике национализация признается легитимным инструментом государственной политики при соблюдении условий справедливой компенсации. Анализ зарубежного опыта, в частности США и стран ЕС, подтверждает важность законодательно установленного механизма возмещения убытков при принудительном изъятии имущества. В результате исследования предлагаются рекомендации по совершенствованию российского законодательства с целью устранения правовой неопределенности и обеспечения сбалансированного регулирования данных институтов.

Ключевые слова:

национализация, экспроприация, конфискация, реквизиция, право собственности, принудительное изъятие, государственное регулирование, компенсация, международное право, правоприменительная практика

Вопросы принудительного прекращения права собственности государства всегда находились в центре правового дискурса. В условиях современных геополитических вызовов особое значение приобретает проблема национализации имущества иностранных лиц и компаний. Например, в 2022 году в Республике Крым был принят нормативный акт, предусматривающий переход в государственную собственность имущества лиц, связанных с недружественными странами. Данное регулирование стало предметом правовых дискуссий, так как затрагивает конституционные гарантии права собственности и требует четкого разграничения между национализацией, конфискацией и иными формами изъятия имущества.

В данной статье используется сравнительно-правовой метод, позволяющий выявить сходства и различия между национализацией, экспроприацией и конфискацией в различных правовых системах. Также применяются формально-юридический метод для анализа норм российского и международного законодательства, историко-правовой метод для изучения эволюции рассматриваемых институтов и доктринальный анализ с целью оценки позиций ведущих исследователей.

Проблема национализации, экспроприации и конфискации активно изучалась как в дореволюционной, так и в советской и современной российской юридической науке. Среди ведущих исследователей данной темы можно выделить: Г. Ф. Шершеневича, В. М. Нечаева, Л. А. Лунца, А. Н. Макарова, А. В. Асоскова, В. В. Витрянского, С. А.

Степанова и др. Данные работы позволяют провести глубокий анализ рассматриваемых институтов, однако до настоящего времени отсутствует единая концепция, объединяющая национализацию, экспроприацию и конфискацию в рамках общего механизма принудительного прекращения права собственности.

В данной статье проводится сравнительный анализ национализации, экспроприации и конфискации, выявляются их правовые признаки, предлагаются авторские определения и рассматриваются проблемы систематизации данных понятий в российском законодательстве.

Национализация представляет собой процесс принудительного изъятия частной собственности в пользу государства с обязательным предоставлением справедливого возмещения. В российском законодательстве данный институт предусмотрен в пункте 2 статьи 235 Гражданского кодекса РФ, однако детальная процедура национализации в законе не прописана. В международном праве национализация признается легитимным способом прекращения права собственности при соблюдении определенных условий.

Ключевые характеристики национализации:

1. Инициатива государственной власти. Национализация осуществляется по решению органов государственной власти, что подчеркивает ее публично-правовой характер.
2. Законодательное основание. Процесс национализации проводится на основе специального закона или нормативного акта, принимаемого в установленном порядке. Это обеспечивает правовую определенность и предсказуемость процедуры.
3. Общий характер изъятия. Национализация направлена на изъятие имущества в интересах общества и государства, а не в качестве санкции за правонарушение. Это отличает ее от конфискации, которая носит карательный характер.
4. Возмездность. Одним из ключевых признаков национализации является обязательное предоставление справедливого и соразмерного возмещения собственнику за изымаемое имущество. Без выплаты компенсации национализация считается незаконной [\[1\]](#).

В международном праве право государства на национализацию основано на его суверенитете. Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 года подтверждает, что национализация должна проводиться на законных и недискриминационных основаниях, в общественно полезных целях, с быстрой выплатой справедливой компенсации частному собственнику. Это направлено на установление баланса между общественными и частными интересами [\[2\]](#).

В российской правовой доктрине подчеркивается необходимость разработки специального закона, регулирующего процедуру национализации. Это позволит обеспечить защиту прав собственников и определить четкие механизмы изъятия имущества в государственных интересах [\[3\]](#).

Термин «экспроприация» не имеет четкого легального определения в российском законодательстве, однако активно обсуждается в юридической науке. Классические труды Г. Ф. Шершеневича определяют экспроприацию как принудительное возмездное отчуждение имущества в общественных целях [\[4\]](#). В отличие от него, В. М. Нечаев рассматривал экспроприацию шире, включая в нее как возмездное, так и безвозмездное изъятие собственности [\[5\]](#).

В советский период термин «экспроприация» приобрел особую значимость и использовался для обозначения широкомасштабных изъятий имущества, проводившихся государством в рамках социалистического переустройства общества. В отличие от национализации, подразумевавшей перевод имущества в государственную собственность с определенными юридическими процедурами, экспроприация зачастую носила принудительный и безвозмездный характер [\[6\]](#). Однако в современном российском праве этот термин не нашел широкого применения.

На основе доктринальных исследований и сравнительного анализа можно выделить два подхода к пониманию экспроприации:

– При широком подходе экспроприация понимается как общее явление принудительного изъятия имущества государством у собственника, независимо от его формы, оснований и правовых последствий. В этом случае национализация, реквизиция и конфискация считаются разновидностями экспроприации, отличающимися целями и условиями проведения. Такой подход удобен для сравнительного анализа различных правовых систем, поскольку позволяет выявить общие принципы и различия в регулировании этих институтов.

– При узком подходе к пониманию экспроприации ограничивается ее значение, сводя к одному из двух видов: национализация – экспроприация, при которой имущество переходит в собственность государства или реквизиция – экспроприация, при которой имущество изымается временно и за плату для использования в общественных целях [\[7\]](#). При таком подходе конфискация (безвозмездное изъятие имущества) не считается разновидностью экспроприации.

Сравнительный анализ показывает, что в разных странах экспроприация регулируется по-разному.

В США принцип справедливой компенсации за экспроприацию закреплен в Пятой поправке к Конституции США, которая гласит: «Никто не должен быть... лишен собственности без должного судебного разбирательства; частная собственность не должна быть изыматься для общественного пользования без справедливого вознаграждения». Это конституционное положение означает, что правительство США может изымать частную собственность для общественных нужд, таких как строительство дорог, школ или других объектов инфраструктуры. Однако, в соответствии с Пятой поправкой, собственник имеет право на получение справедливой компенсации за изъятую собственность (дело Верховного суда США «Kelo v. City of New London», 2005 г.). Понятие «справедливая компенсация» в США трактуется достаточно широко и включает в себя не только рыночную стоимость имущества, но и другие убытки, которые собственник может понести в результате экспроприации [\[8\]](#). В случае спора о размере компенсации, суд принимает решение на основе представленных доказательств и экспертных заключений.

В странах Европейского союза принцип справедливой компенсации за экспроприацию также является основополагающим и закреплен в различных правовых актах, таких как: Протокол № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Ратифицирован Федеральным законом РФ от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ), Статья 1 которого гласит: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». Хартия основных прав Европейского союза, которая в статье 17

закрепляет право каждого на владение, пользование, распоряжение своей собственностью и получение справедливой компенсации в случае ее изъятия в общественных интересах. Законодательство стран ЕС, регулирующее экспроприацию, обычно предусматривает, что компенсация должна быть «справедливой и адекватной», что означает, что она должна соответствовать рыночной стоимости имущества и учитывать другие убытки, которые собственник может понести в результате экспроприации.

В Венесуэле, при президенте Уго Чавесе, была проведена национализация крупных предприятий в нефтегазовой, телекоммуникационной и других отраслях. Многие иностранные инвесторы, чьи активы были экспроприированы, обращались в международные арбитражи, утверждая, что экспроприация была незаконной и требовали компенсации [\[9\]](#).

Аналогичная ситуация сложилась и в Боливии, где президент Эво Моралес также проводил политику национализации природных ресурсов и стратегических отраслей. Экспроприация часто сопровождалась заявлениями о необходимости защиты национальных интересов и перераспределения богатства, однако многие собственники, как местные, так и иностранные, были лишены своей собственности без справедливой компенсации, что также привело к международным судебным разбирательствам [\[10\]](#).

Международные судебные споры, связанные с экспроприацией в Венесуэле и Боливии, часто основывались на нарушении договоров о защите инвестиций, которые предусматривают обязательство государства выплачивать адекватную компенсацию в случае экспроприации. Однако, даже в случаях, когда суды признавали экспроприацию незаконной или присуждали компенсацию, исполнение решений часто сталкивалось с трудностями из-за нежелания правительств этих стран признавать и исполнять решения международных судов.

После объединения Германии в 1990 году, одним из ключевых вопросов стал вопрос о судьбе имущества, которое было экспроприировано в период существования ГДР. В отношении таких активов был принят ряд законодательных актов, направленных на восстановление прав собственности и компенсацию убытков прежним владельцам.

В целом, процесс возвращения и компенсации экспроприированных активов в Германии можно охарактеризовать следующим образом:

- Возвращение имущества в натуре: во многих случаях имущество, которое было экспроприировано в ГДР, возвращалось прежним владельцам. Это касалось, прежде всего, недвижимости, земельных участков, предприятий и других активов, которые могли быть идентифицированы и возвращены без существенного ущерба для текущих владельцев или общественных интересов.
- Компенсация стоимости имущества: в тех случаях, когда возвращение имущества в натуре было невозможно или нецелесообразно, прежним владельцам выплачивалась компенсация. Размер компенсации определялся на основе оценки стоимости имущества на момент экспроприации, с учетом инфляции и других факторов.
- Особые случаи: в некоторых случаях, например, когда имущество было существенно перестроено или использовалось для общественных нужд, вопрос о возвращении или компенсации решался в индивидуальном порядке, с учетом интересов всех заинтересованных сторон.

Конфискация, как одно из оснований прекращения права собственности по воле государства, представляет собой санкцию за совершенное правонарушение и носит безвозмездный характер. В отличие от национализации и экспроприации, которые могут преследовать цели общественного блага или компенсации, конфискация носит карательный характер, направленный на наказание виновного лица [\[11\]](#).

Основные признаки, определяющие процесс конфискации:

1. Основанием для конфискации является совершение преступления или иного правонарушения, установленного вступившим в законную силу судебным актом. Конфискация может быть применена как в рамках уголовного судопроизводства, так и в случаях административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ.
2. Конфискация производится без выплаты какой-либо компенсации собственнику изъятого имущества. Это отличает ее от экспроприации, при которой собственнику выплачивается возмещение за изъятое имущество.
3. Конфискация осуществляется исключительно на основании судебного акта, что гарантирует соблюдение прав собственника и законность процедуры изъятия имущества. Решение о конфискации должно быть мотивированным и основываться на доказательствах вины лица в совершении правонарушения.

Сравнительный анализ правовых институтов

Признак	Национализация	Экспроприация	Конфискация
Основание	Закон	Государственная или общественная необходимость	Судебное решение
Возмездность	Возмездная	Может быть как возмездной, так и безвозмездной	Безвозмездная
Цель	Государственные интересы	Общественные или государственные интересы	Наказание за правонарушение
Судебное разбирательство	Необязательно	Возможно	Обязательно

Анализ показывает, что национализация является разновидностью экспроприации, а конфискация представляет собой самостоятельный институт, направленный на репрессивное изъятие имущества.

Отсутствие четкого законодательного определения экспроприации приводит к терминологической путанице. Например, в Постановлении Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085–6/14 закреплено прекращение права собственности без компенсации для владельцев, связанных с недружественными странами. Данный механизм не является классической национализацией, но и не подпадает под конфискацию, так как прямо не связан с правонарушением.

Кроме того, законодательство не учитывает судьбу обременений при переходе собственности государству. Вопрос о сохранении залогов и арендных прав требует уточнения, особенно в случаях принудительного изъятия имущества [\[12\]](#).

Рассмотренные правовые механизмы различаются по основаниям, возмездности и целям. Национализация носит возмездный характер, а конфискация – карательный и безвозмездный. Экспроприация может охватывать оба механизма, что требует четкой законодательной регламентации.

Для устранения правовой неопределенности и обеспечения сбалансированного регулирования вопросов национализации, экспроприации и конфискации, необходимо внести следующие изменения в законодательство:

1. Закрепление в ГК РФ четкого определения экспроприации как родового понятия. Это позволит устранить терминологическую путаницу и четко разграничить национализацию, реквизицию, конфискацию и иные основания прекращения права частной собственности волею государства. Необходима законодательная формулировка, отражающая ключевые принципы, такие как основание изъятия, возможность компенсации и цель (общественная необходимость, санкция и подобное).

2. Унификация правового регулирования на федеральном уровне. В настоящее время нормы, регулирующие изъятие имущества, содержатся в различных законодательных актах (ГК РФ, Бюджетный кодекс, отдельные законы и подзаконные акты), а также могут существовать на уровне субъектов РФ (например, Республика Крым). Требуется комплексный федеральный закон, который:

- установит единые базовые правила принудительного изъятия имущества;
- определит порядок принятия соответствующих решений и судебного контроля;
- детально урегулирует вопросы компенсации, когда это применимо, включая методику оценки ущерба;
- обеспечит баланс между интересами государства, общества и частных собственников.

3. Разработка детальной процедуры национализации. Введение специального закона о национализации позволит установить четкие правила проведения процедуры, включая:

- основания для национализации, их исчерпывающий перечень;
- механизм уведомления собственников и возможность судебного обжалования;
- критерии справедливого возмещения, включая порядок оценки изъятого имущества.

4. Урегулирование судьбы обременений при переходе собственности государству. Важно определить, сохраняются ли ипотека, арендные права, залоги и иные обременения при национализации или экспроприации, а также как компенсируются убытки третьих лиц.

Ожидаемые результаты реформ:

- Повышение предсказуемости правоприменительной практики и снижение числа споров.
- Защита интересов частных собственников, в том числе иностранных инвесторов, что повысит инвестиционную привлекательность страны.
- Снижение рисков злоупотреблений при принудительном изъятии имущества.
- Приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами, такими как принципы Европейской конвенции по правам человека.

Эти меры позволят создать прозрачную и предсказуемую систему регулирования изъятия собственности, обеспечивающую баланс между общественными и частными интересами, а также будут способствовать привлечению частных инвестиций в Российскую Федерацию, в том числе от иностранных инвесторов, обеспечивая более динамичное развитие страны.

Библиография

1. Щенникова Л. В. Гражданско-правовая наука о национализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – №. 4. – С. 179–186.
2. Хандаков Ю.С. Правовая легитимность национализации // Интернет-конференции Сибирского юридического университета, 2021.
3. Карпов М.В. Национализация: тенденции развития доктрины и законодательства // Lex Russica. – 2016. – №. 5 (114). – С. 133–146.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – Консультант Плюс: Статут, 2005.
5. Нечаев В. М. Экспроприация // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890 – 1907.
6. Зеньков А.В. Понятие экспроприации в законодательстве и доктрине советского периода // Журнал международного права и международных отношений. – 2013 – 3.
7. Богуславский М. М. Международное частное право. – Юрист, 2007.
8. Just Compensation // Cornell Law School Legal Information Institute, 2020.
9. Knudsen H. Expropriation of foreign private investments in Latin America. – University of Oregon, 1972.
10. Berrios R., Marak A., Morgenstern S. Explaining hydrocarbon nationalization in Latin America: Economics and political ideology // Review of International Political Economy. – 2011. – Т. 18. – №. 5. – С. 673–697.
11. Степанов С. А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) к ч. I. 5-е издание. – " Издательство"" Проспект""", 2015.
12. Кутовой Н.С. Судьба обременений при прекращении права частной собственности лиц, связанных с недружественными странами, в Республике Крым // Право и политика. 2024. № 9. С.40-49. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.9.71540 EDN: ACGYNK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71540

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, национализация, экспроприация и конфискация в системе оснований прекращения права собственности волею государства. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Вопросы принудительного прекращения права собственности государства всегда находились в центре правового дискурса. В условиях современных геополитических вызовов особое значение приобретает проблема национализации имущества иностранных лиц и компаний. Например, в 2022 году в Республике Крым был принят нормативный акт, предусматривающий переход в государственную собственность имущества лиц, связанных с недружественными странами. Данное регулирование стало предметом правовых дискуссий, так как затрагивает конституционные гарантии права собственности и требует четкого разграничения между национализацией, конфискацией и иными формами изъятия имущества". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "Анализ показывает, что национализация является разновидностью экспроприации, а конфискация представляет собой самостоятельный институт, направленный на репрессивное изъятие имущества. Отсутствие четкого законодательного определения экспроприации приводит к терминологической путанице. Например, в Постановлении Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085–6/14 закреплено прекращение права собственности без компенсации для владельцев, связанных с недружественными странами. Данный механизм не является классической национализацией, но и не подпадает под конфискацию, так как прямо не связан с правонарушением"; "Для устранения правовой неопределенности и обеспечения сбалансированного регулирования вопросов национализации, экспроприации и конфискации, необходимо внести следующие изменения в законодательство: 1. Закрепление в ГК РФ четкого определения экспроприации как родового понятия. Это позволит устранить терминологическую путаницу и четко разграничить национализацию, реквизицию, конфискацию и иные основания прекращения права частной собственности волею государства. Необходима законодательная формулировка, отражающая ключевые принципы, такие как основание изъятия, возможность компенсации и цель (общественная необходимость, санкция и подобное). 2. Унификация правового регулирования на федеральном уровне. В настоящее время нормы, регулирующие изъятие имущества, содержатся в различных законодательных актах (ГК РФ, Бюджетный кодекс, отдельные законы и подзаконные акты), а также могут существовать на уровне субъектов РФ (например, Республика Крым). Требуется комплексный федеральный закон, который: I установит единые базовые правила принудительного изъятия имущества;

I определит порядок принятия соответствующих решений и судебного контроля;

I детально урегулирует вопросы компенсации, когда это применимо, включая методику оценки ущерба; I обеспечит баланс между интересами государства, общества и частных собственников. 3. Разработка детальной процедуры национализации. Введение специального закона о национализации позволит установить четкие правила проведения процедуры, включая: I основания для национализации, их исчерпывающий перечень; I механизм уведомления собственников и возможность судебного обжалования; I критерии справедливого возмещения, включая порядок оценки изъятых имущества" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор осуществляет сравнительный анализ национализации, экспроприации и конфискации, выявляет их правовые признаки, предлагает дефиниции соответствующих понятий, рассматривает проблемы их систематизации в российском законодательстве. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографией, научными статьями, учебниками, словарем, комментарием), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Г. Ф. Шершеневич и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы должным образом и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Для устранения правовой неопределенности и обеспечения сбалансированного регулирования вопросов национализации, экспроприации и конфискации, необходимо внести следующие изменения в законодательство: 1. Закрепление в ГК РФ четкого определения экспроприации как родового понятия. Это позволит устранить терминологическую путаницу и четко разграничить национализацию, реквизицию, конфискацию и иные основания прекращения права частной собственности волею государства. Необходима законодательная формулировка, отражающая ключевые принципы, такие как основание изъятия, возможность компенсации и цель (общественная необходимость, санкция и подобное). 2. Унификация правового регулирования на федеральном уровне. В настоящее время нормы, регулирующие изъятие имущества, содержатся в различных законодательных актах (ГК РФ, Бюджетный кодекс, отдельные законы и подзаконные акты), а также могут существовать на уровне субъектов РФ (например, Республика Крым)" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, международного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания).

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Национализация, экспроприация и конфискация в системе оснований прекращения права собственности волею государства: сравнительный анализ» для опубликования в журнале «Право и политика». Представленная статья имеет безусловный научный интерес, соответствует политике журнала об опубликовании научных оригинальных исследований.

Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку вопросы принудительного прекращения права собственности государства в условиях геополитической ситуации, процессов агрессивного изъятия имущества российских активов на территории государств, объявивших санкции в отношении России, находятся в центре внимания юристов. В подобных условиях аналогичные меры со стороны Российской Федерации в отношении недружественных государств на примере Республики Крым является оправданным предметом исследования. При этом автор указывает на необходимость сохранения гарантий конституционного права собственности и ставит задачу разграничения правового поля между процедурами национализации, конфискации и иных форм изъятия имущества.

Применяя общенаучные методы познания предмета исследования автором при демонстрации результатов собственного исследования учтена степень изученности проблематики в отечественной науке и международной практике. В работе широко использован сравнительно-правовой и историко-правовой методы научного познания для анализа сходства и различий между национализацией, экспроприацией и конфискацией в различных правовых системах. А также для изучения эволюции рассматриваемых институтов и проведения доктринального анализа с целью оценки позиций ведущих исследователей. Степень изученности темы исследования недостаточная в связи с поставленными автором задачами. Тем не менее, были

исследованы позиции таких ученых современности, как Г. Ф. Шершеневича, В. М. Нечаева, Л. А. Лунца, А. Н. Макарова, А. В. Асоскова, В. В. Витрянского, С. А. Степанова и др. Это позволило автору прийти к выводу об отсутствии в отечественной науке единой концепции принудительного прекращения права собственности. В итоге автор пришел к выводу о доктринальных характеристиках национализации. Изучение зарубежного опыта стран Евросоюза, США, Южной Америки позволило автору выделить два подхода к пониманию экспроприации. Проведенный нормативно-правовой анализ позволил автору прийти к выводу о том, что национализация является разновидностью экспроприации, а конфискация представляет собой самостоятельный институт, направленный на репрессивное изъятие имущества. В работе сделаны другие выводы, имеющие научный интерес. Новизна работы, помимо сделанных теоретических выводов, заключается в выдвинутых конкретных мерах. К их числу следует отнести необходимость закрепить в гражданском законодательстве положений об экспроприации; провести унификацию законодательства в части регулирования норм об изъятии имущества; детализировать процедуру национализации; предусмотреть меры по защите обременений. Автором также подробно указан ожидаемый положительный результат реформы, что коррелируется с выдвинутыми тезисами о совершенствовании законодательства.

Текст статьи структурирован, логически последователен, изложен научным языком и соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Библиографический перечень достаточно обширный и включает в себя 12 научных источников, в числе которых российские монографии, научные публикации, охватывающие период с 2005 года по настоящее время, что обеспечило автору глубину и всесторонность исследования.

В целом статья будет интересна ученым, правоприменителю, обучающимся вузов и может быть рекомендована к опубликованию.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Волкова М.А., Букаева И.Н. Цифровая валюта в системе объектов правоотношений // Право и политика. 2025.

№ 2. С.23-35. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73378 EDN: DEVAPW URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73378

Цифровая валюта в системе объектов правоотношений

Волкова Мария Александровна

ORCID: 0000-0001-5928-6929

кандидат исторических наук

доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин и цифрового права; Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

119602, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, ул. Покрышкина, д. 8 к. 2 кв.197

✉ mvolkova2013@bk.ru

Букаева Ирина Николаевна

кандидат юридических наук

доцент, кафедра гражданского права и процесса; Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

143915, Россия, Московская обл., г. Балашиха, ул. Заречная, д. 32, кв. 2

✉ er15@mail.ru

[Статья из рубрики "Трансформация правовых и политических систем"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.2.73378

EDN:

DEVAPW

Дата направления статьи в редакцию:

16-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования стало изменение политики Центрального Банка России к цифровым валютам, выразившееся в введении экспериментального правового

режима для использования их в сфере международных расчетов. Законодательное отнесение криптовалюты к имуществу вновь актуализировало вопрос о месте цифровых валют в системе объектов имущественных правоотношений. Цифровизация всех сфер общественной жизни повлекла трансформацию всей российской правовой системы. Наиболее дискутируемым и нерешенным продолжает оставаться вопрос о правовом режиме цифровых валют в романо-германском праве. В статье проводится сравнительный анализ признаков криптовалюты, закрепленных законодательно, с ее сущностными характеристиками и особенностями других объектов гражданских прав: вещами, денежными средствами, обязательственными правами, цифровыми правами. Исследуется схожесть криптовалюты с бестелесными вещами. При исследовании существующей научной полемики использовался комплексный методологический подход. На основе метода анализа закрепленного в действующем законодательстве определения, а также сравнительного анализа правовых режимов различного вида имущества, сделан вывод о специфическом характере цифровой валюты и указывается на необходимость закрепления ее в Гражданском кодексе РФ в качестве самостоятельного объекта прав. Статья является первым комплексным исследованием, определяющим место цифровых валют в гражданском законодательстве, проведенном с учетом изменений в Налоговый кодекс, вступивших в силу с 1 января 2025 г. Авторами исследованы позиции как российских, так и зарубежных ученых, проводящих исследования различных правовых систем. Исследуются действующие нормативно-правовые акты и указывается на некорректность используемых формулировок. По итогам проведенного анализа отмечается невозможность отнести цифровую валюту в полной мере к закрепленному в Гражданском кодексе РФ перечню объектов имущественных отношений. В связи с этим делается вывод о необходимости расширения перечня объектов гражданских прав, содержащихся в ст.128 Гражданского кодекса РФ и предлагается авторская редакция указанной статьи.

Ключевые слова:

цифровая валюта, криптовалюта, имущество, цифровые права, бестелесная вещь, обязательственные права, объект права, денежные средства, электронные деньги, имущественные права

Введение

Понятие криптовалют и блокчейна представляет собой одно из самых инновационных явлений в сфере информационных технологий и финансов. Ее правовая природа является сложной и многоуровневой, вызывая многочисленные дискуссии в научных кругах. В различных юрисдикциях криптовалюта может рассматриваться как средство платежа, инвестиционный актив или товар. При этом в одних странах криптовалюты признаются легальным средством платежа и регулируются в рамках финансового законодательства, в других - они запрещены или рассматриваются как нелегальные финансовые операции. Отсутствие глобальной унифицированной правовой базы затрудняет эффективную защиту прав потребителей, инвесторов, майнеров и всех остальных субъектов, вовлеченных в отношения с криптовалютой на международном уровне.

Исследования гражданско-правового режима цифровой валюты в той или иной мере проводились рядом ученых, среди которых можно выделить таких как: Т.В.Дерюгина, Л.Г.Ефимова, Д.В.Федоров, А.С.Лолаева, В.А.Садков и другие.

Проанализировав опубликованные работы о регулировании этого объекта имущественных отношений, можно констатировать, что на сегодняшний день единая позиция о сущности правовой природы цифровой валюты и особенностях ее правового режима в цивилистике отсутствует. Сказанное выше позволяет утверждать о важности изучения цифровой валюты с точки зрения ее гражданско-правового регулирования.

Благодаря использованию метода анализа, при проведении исследования была выработана авторская позиция, которая заключается в необходимости дополнения существующей системы объектов гражданских прав новым специальным объектом – цифровой валютой. Использование метода сравнительного анализа позволило провести исследование основных научных концепций, связанных с определением сущности и места цифровой валюты в российской системе объектов гражданского права, а также сделать предложения по совершенствованию законодательства России.

В сущности, криптовалюта представляет собой продукт блокчейна - цепочки информационных блоков, работающих по заданным алгоритмам. Значительная сложность заключается в том, что сам по себе феномен криптовалюты остается недостаточно ясным для широких масс, не связанных плотно с цифровыми технологиями, которые не всегда способны полностью отличить криптовалюту от других видов электронных денег [\[1, с.77\]](#). Поэтому в литературе можно встретить мнение об отсутствии у этого явления общественно-полезной экономической функции и значительном криминогенном потенциале [\[2, с.142\]](#). Нам такая позиция представляется не совсем корректной, ведь принципиальная разница между цифровой валютой и цифровыми правами или, например, традиционными ценными бумагами, порождающая финансовые и криминогенные риски при ее использовании, заключается лишь в отсутствии детального правового регулирования. При этом принципиальная невозможность введения этого нового финансового инструмента в имущественные отношения отсутствует (как можно наблюдать на примере стран, допустивших использование цифровых валют в расчетах, с соблюдением определенных требований). Интересна при этом зависимость, отмеченная Т. Небораком, указавшим, что «в число лидеров массового внедрения CBDC входят государства, которые широко считаются авторитарными, хотя есть и скандинавские страны (в частности, Швеция), традиционно считающиеся образцами гражданских свобод. Характерной нитью дебатов о CBDC в этом отношении является проблема анонимности и желание государства ее ограничить [\[3\]](#)».

На наш взгляд, существующие пробелы обусловлены необходимостью нахождения наиболее рационального подхода, что и проявляется в нынешней готовности государства включать криптовалюту в правовую «песочницу». Цифровизация всех сфер жизни влечет появление новых финансовых инструментов, поэтому отрицать те из них, которые уже прочно вошли в оборот и доказали свою востребованность рынком, было бы неразумно со стороны законодателя.

Основное исследование

С 1 января 2025 г вступили в силу изменения в Налоговый кодекс РФ, признающие криптовалюту имуществом в целях налогообложения (Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2024 № 418-ФЗ). Эти поправки вызвали широкое обсуждение в СМИ, однако, не привнесли ничего нового в решение вопроса о сущности правовой природы цифровой валюты. Статьи 19, 21 и 22 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (далее - ФЗ № 259-ФЗ) (Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ) еще с 1 января 2021г. определяли ее аналогичным образом. Единственное, что изменилось – это цели: если ранее она понималась в качестве имущества для целей применения законодательства антикоррупционного, о несостоятельности (банкротстве) и об исполнительном производстве, то с 2025 г. к нему добавили налоговое законодательство. При этом законодатель (умышленно или неумышленно) не стал унифицировать данные нормы и оставил открытым вопрос о том, какую правовую природу будет иметь криптовалюта как объект гражданско-правовых отношений. Одновременно отечественное законодательство и судебная практика признают криптовалюту, именуемую цифровой валютой, в качестве объекта имущественных отношений, и наделяют её определёнными признаками, которые допускают её участие в гражданском обороте с юридической точки зрения.

Нужно заметить, что содержание термина «имущество» в цивилистике рассматривается с нескольких точек зрения [\[4, с.301\]](#), [\[5, с.13\]](#), однако все авторы отмечают, что это термин сборный, который, по сути, не касается происхождения самих его элементов. Именно благодаря этому становится возможным отнесение криптовалюты к имуществу, не объясняя полностью ее гражданско-правовое происхождение, однако позволяя определить ее в гражданский оборот. Данного обстоятельства уже будет довольно, например, для защиты прав на криптовалюту в договорных и деликтных спорах в соответствии с генеральным деликтом, установленным ст. 1064 ГК РФ [\[6, с.46\]](#).

Важным аспектом данного нововведения является обеспечение прозрачности и предсказуемости экономических отношений между субъектами хозяйствования. Запрет на использование цифровых валют в коммерческих сделках способствует снижению потенциальных потерь, связанных с резкими колебаниями курсов криптовалют. Это, в свою очередь, создаст более стабильные условия для ведения бизнеса и привлечения инвестиций, что особенно важно в условиях современной экономики, испытывающей внешние и внутренние вызовы.

Из определения, содержащегося в ФЗ № 259-ФЗ, можно выделить ряд особенностей, характеризующих правовой режим цифровой валюты и позволяющих сделать предположение о том, какое место в системе объектов гражданских правоотношений она занимает. Попробуем разобраться, с каким видом имущества цифровая валюта наиболее схожа по своим особенностям.

Так, одними из центральных признаков являются такие как существование исключительно в виде электронных данных, нефизичность (не является денежной или расчетной единицей ни одного государства), отсутствие обязанных перед ее обладателем лиц (исключение составляют лишь операторы и (или) узлы информационной системы, у которых существует единственная обязанность - обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам).

Также выделяются особенности криптовалюты, которые исключают возможность применения правовых механизмов обеспечения исполнения обязательств: отсутствие информации о держателях криптовалют (анонимность использования, привлекающая многих потенциальных пользователей), отсутствие необходимости ведения отчетной документации и отсутствие централизованного контроля в системах обращения криптовалют.

О. Подцерковный, Л. Могиль обосновывают возможность отнесения криптовалюты к вещам, *jusdem generis*, приближая понимание криптовалют к другим вещам [\[7, с.29\]](#). Схожей позиции придерживается и А. В. Саженов [\[8, с.121\]](#), который предлагает считать цифровую валюту бестелесной вещью, проводя при этом аналогии с тем, как законодательство Беларуси регулирует схожий объект - токен (согласно п. 3 Приложения № 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики», владелец цифрового знака (токена) - субъект гражданского права, которому цифровой знак (токен) принадлежит *на праве собственности или на ином вещном праве* (выделено авт.). Их позицию подтверждает и Е. Н. Гладкая, указывая на то, что в условиях цифровизации становится неактуальным представление о вещи исключительно как об объекте материального мира [\[9, с.409\]](#).

Однако, согласившись с отнесением цифровой валюты к бестелесным вещам, мы тем самым исключим из расчета ее содержание, а именно - возможность использования в расчетах. Допустив ее «вещественность» мы приходим к тому, что все расчетные операции с использованием криптовалюты становятся операциями обменного характера (меной). Если в отношении наличных денег (отнесенных ст128 ГК РФ к разновидности вещей) такое допущение еще возможно с учетом их несомненной натуральности (и то, принимаемой во внимание лишь в случаях, когда ценность приобретает именно форма денег (например, в нумизматике), то в отношении цифровых валют это было бы неверно.

Уникальность криптовалюты и ее несхожесть с обычными вещами отмечает и Юань Баоци, указывая, что права собственности в криптовалютах, таких как Биткойн, вполне могут представлять собой действительно уникальную и новую форму собственности, юридические права на которую неотделимы от регистрации в блокчейне [\[10, с.6\]](#).

А. С. Лолаева высказывает мнение, что цифровая валюта имеет схожесть с обязательственными правами, так как право на нее у каждого ее держателя тесно связано с обязательствами других участников информационной системы, определяемыми ее внутренними правилами функционирования [\[11, с.48\]](#). Такую позицию нельзя признать в полной мере обоснованной, так как любое обязательственное право (существующее исключительно в цифровой среде, либо же нет) порождает определенные обязательства перед правообладателем. Отсутствие такого обязательства перед обладателями цифровой валюты прямо закреплено в законе, поэтому можно согласиться с авторами, утверждающими, что ее нельзя сейчас признать цифровым правом. Так, на это указывает Т. В. Дерюгина [\[12, с.9\]](#), отмечая, что в этом случае отсутствуют два признака, характеризующих цифровое право - отсутствие закрепления в содержании цифровой валюты какого-либо права (на что прямо указано в ее определении), и относимость права к цифровому исключительно в силу прямого указания в законе (ст.141.1 ГК РФ).

Однако, если абстрагироваться от действующего законодательства (допустив возможность его изменения), то следует признать сходство цифровой валюты с этим видом объектов гражданских прав, на что указывает Т. Чан. [\[13, с.492\]](#).

Достаточно неоднозначной является формулировка п.3 ст1 ФЗ №259-ФЗ о том, что цифровая валюта - это электронные данные, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа.

Словосочетание «могут быть приняты» не приемлемы для таких серьезных документов, как Федеральный закон. Такие выражения вызывают двойное толкование закона.

Законодателю следует более конкретно определить понимание «цифровой валюты» и возможность использования ее в расчетах. Более того, запрет на использование цифровых валют в качестве встречного предоставления в ФЗ № 259-ФЗ, представляющийся еще недавно вполне обоснованной и своевременной мерой, направленной на обеспечение экономической безопасности и стабильности страны, сейчас претерпевает трансформацию в связи с вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 223-ФЗ. Он позволил Банку России начать с 1 сентября 2024 г эксперимент с созданием площадки для использования криптовалют в международных расчетах с использованием экспериментального правового режима.

Допущение возможности использования цифровой валюты в международных расчетах опять-таки поднимает вопрос о ее правовой природе - рассматривать ее как средство платежа или же она должна занимать иное место в системе объектов гражданско-правовых отношений. В процессе обсуждения не следует недооценивать потенциальные риски и преимущества признания цифровой валюты в качестве официального средства платежа.

К очевидным и всем известным относятся: волатильность, невозможность контроля за операциями, нефинансированность. Однако, будучи в стабильных экономических условиях недостатками, в период экономических санкций и наблюдаемых сейчас изменений на мировых финансовых рынках, эти недостатки могут обернуться достоинствами. В частности, широко обсуждаемая неконтролируемость операций достаточно легко обходится путем «заземления» операций на криптобиржах, регулируемых Банком России, что широко обсуждается в государственных органах и СМИ (Министерства РФ обсуждают создание криптобиржи в рамках экспериментального правового режима // <https://www.comnews.ru/content/236949/2024-12-18/2024-w51/1009/ministerstva-rf-obsuzhdayut-sozdanie-kriptobirzhi-ramkakh-eksperimentalnogo-pravovogo-rezhima>).

Таким образом, исключение выражения «предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа,» из ст. 1 п. 3 Федерального закона 259-ФЗ позволит устранить правовую неопределенность разрешенного правового режима цифровых валют и после принятия решения о правовом режиме и порядке использования в расчетах цифровой валюты доработать пункт 3 статьи 1 Федерального закона 259-ФЗ, чтобы в нем было четко отражено новое положение законодательства.

Для того чтобы криптовалюта квалифицировалась как электронные деньги, требуется предварительное обеспечение её реальными денежными средствами. Согласно пункту 19 статьи 3 Закона о Национальной платежной системе (Федеральный закон "О национальной платежной системе" от 27.06.2011 № 161-ФЗ), электронное средство платежа представляет собой метод и/или устройство, которые дают возможность клиенту оператора денежных переводов генерировать, подтверждать и отправлять команды для осуществления переводов в рамках безналичных расчетов посредством инфокоммуникационных технологий, электронных носителей информации, таких как банковские карты, и различных технических приспособлений.

Иными словами, это специально предоставленное право уполномоченного лица совершать платежи при наличии соответствующих технических средств. На сегодняшний момент единственное, что сближает цифровую валюту и электронные денежные средства - это форма их существования, чего, конечно же, недостаточно для отнесения к одной группе объектов гражданских прав.

В настоящее время существует запрет на выпуск денежных суррогатов, который имеет под собой несомненные основания, так как обеспечивает стабильность финансовой системы РФ, и при этом не позволяет признать цифровую валюту денежным средством. Однако, на примере Сальвадора (где биткойн принимается наравне с национальной валютой, и государственный бюджет формируется частично путем покупки этой криптовалюты) (Vera Bergengruen. How Nayib Bukele's 'Iron Fist' Has Transformed El Salvador // <https://time.com/7015598/nayib-bukeles-iron-fist-el-salvador/>)) мы видим, что с точки зрения экономики нефинансированность валюты не всегда абсолютно исключает возможность использования ее в системе внутригосударственных расчетов. Более того, один шаг в этом направлении Банк России уже сделал, допустив применение цифровой валюты в международных расчетах (как мы писали выше).

Косвенно схожесть цифровой валюты с другими средствами платежа подтверждается и судебной практикой. Так, в определении Верховного суда РФ от 16 апреля 2024 г. № 69-КГ24-3-К7 (Определение Верховного суда РФ от 16 апреля 2024 г. № 69-КГ24-3-К7 // СПС КонсультантПлюс) указывается, что суд апелляционной инстанции ошибочно не стал проверять наличие договорных отношений между сторонами и их содержание, применив нормы о неосновательном обогащении. При этом в досудебной претензии истца, адресованной Р.М. Салахову, указывается, что между сторонами был заключен договор инвестиционного займа, по условиям которого истец обязался передать ответчику денежные средства, а ответчик - возратить их в течение шести месяцев с процентами. Денежные средства истцом были перечислены несколькими этапами путем перевода на счет ответчика криптовалюты USDT на общую сумму 313 174,60 доллара США. Таким образом, ВС РФ допустил заключение сторонами договора инвестиционного займа, являющегося непоименованной разновидностью договора займа согласно ст.807 ГК РФ. Однако, предметом займа (согласно Гражданскому кодексу РФ), могут быть только деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, что сразу приводит к вопросу о том, к какой именно из указанных категорий ВС РФ относил цифровую валюту. Как представляется, из перечисленных в ст.807 ГК РФ объектов, наибольшее сходство она имеет именно с деньгами.

Большинство российских и иностранных исследователей также указывают на то, что криптовалюта выступает в качестве способа оплаты в международных деловых операциях [\[14, с.62\]](#), [\[15\]](#), [\[16\]](#).

Таким образом, абстрактная возможность отнести криптовалюту к средствам платежа есть, но это станет возможным только (и если) после изменения подходов к правовому регулированию, содержащихся в первую очередь в ФЗ №259-ФЗ. Сейчас это невозможно по двум причинам. Во-первых, согласно ст.1 указанного закона, в отношении криптовалют отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем цифровых валют (электронных данных). Исключение составляют операторы и (или) узлы информационной системы, обязанности которых не связаны с имущественными правами обладателя криптовалюты, а имеют больше организационный характер (обеспечение соответствия порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам). Во-вторых, статья 14 этого же закона прямо запрещает предложение неограниченному кругу лиц цифровой валюты, а также товаров (работ, услуг) в целях организации обращения и (или) обращения цифровой валюты (п.8).

Выводы

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в действующем законодательстве нет

таких категорий объектов гражданских прав, которые в полной мере соответствовали признакам цифровой валюты, и к которым ее можно было бы безоговорочно отнести. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы [\[17, с.115\]](#). Существующая неопределенность, закрепленная отнесением криптовалюты в категорию «иное имущество», только порождает вопросы и препятствует формированию однородной правоприменительной практики. Необходимость определить правовой режим цифровых валют отмечается многими исследователями [\[18, 70\]](#). Эта потребность частично реализована введением промежуточного вида цифровой валюты - цифрового рубля - выпускаемого Банком России в качестве одной из форм существования официальной валюты. При этом сущность цифрового рубля (а ведь именно сущность, а не форма существования имеет значение применительно к денежным средствам) отличается от остальных криптовалют только фиатностью. Цифровые валюты центрального банка (CBDC) способствуют переходу к глобальному безналичному обществу, поэтому увеличение доли цифровых валют (как фиатных, так и нефиатных) неизбежно [\[19, 1\]](#).

Представляется, что наилучшим выходом в ситуации, когда доля цифровых валют на финансовых рынках будет только увеличиваться, будет внесение изменений в ст.128 ГК РФ и изложение ее в следующей редакции: «...иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта);...», а также дополнение главы 6 ГК РФ статьей 141.2 «Цифровая валюта». Одновременно представляется необходимым и изменение редакции ФЗ №259-ФЗ в части допущения оборота цифровой валюты в пределах, установленных законом.

Библиография

1. Майнинг. Криптовалюта. Право: монография / Р.Ю. Колобов, А.Н. Огородов, М.Г. Тирских, Р.Ю. Хертуев. – Иркутск: Издательство ИГУ. 2023. 107 с. DOI: 10.26516/ 978-5-9624-2185-8.2023.1-107
2. Гончаров А.И., Садков А.Н, Садков В.А, Давудов Д.А. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 3. С. 128-153. DOI:10.17323/2072-8166.2023.3.128.153.
3. Nieborak, T. (2024). Central Bank Digital Currency as a New Form of Money. *Białostockie Studia Prawnicze*, 29, 189-203. <https://doi.org/10.15290/bsp.2024.29.01.12>.
4. Суханов Е. А. Российское гражданское право. Общая часть: 4-е изд., М. Статут. 2015. – 958 с.
5. Лысенко А. Н. Понятие и виды имущества в гражданском праве России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03. – Краснодар : [б. и.], 2007. – 26 с.
6. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права 2018. № 2. С. 30-74.
7. Podtserkovnyi, O., & Mogyl, L. (2023). Regarding the need to apply the theory of legal fiction when defining the concept of «cryptocurrency». *Economics and Law*. <https://doi.org/10.15407/econlaw.2023.01.011>.
8. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. – 2018. – № 9. – С. 106-121.
9. Гладкая, Е. Н. К вопросу о месте цифровых объектов в системе объектов гражданских прав (на материалах исследования законодательства государств-членов ЕАЭС) / Е. Н. Гладкая // Цифровые технологии и право : Сборник научных трудов I Международной

научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Том 2. – Казань: Издательство "Познание", 2022. – С. 405-413. – EDN TDHPWT.

10. Yuan, B. (2023). Crypto-Currencies Are Objects of Property Rights. *Law and Economy*. <https://doi.org/10.56397/le.2023.04.01>.

11. Лолаева А. С. Цифровые права в структуре объектов гражданских прав // Аграрное и земельное право. 2019. № 6. С. 47-49.

12. Дерюгина Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // Цивилист. 2022. № 1. С. 8-11.

13. Chan, T. (2023). The nature of property in cryptoassets. *Legal Studies*, 43, 480-498. <https://doi.org/10.1017/lst.2022.53>.

14. Андрианова Н.Г. Подходы международных организаций к определению сущности криптовалют // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2023. № 2. С. 61-69. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.2.41023 EDN: EIYFTG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41023

15. Djati, R., & Dewi, T. (2024). Regulasi Metode Pembayaran Dengan Mata Uang Kripto (Cryptocurrency) Dalam Transaksi Bisnis Internasional. *Ethics and Law Journal: Business and Notary*. <https://doi.org/10.61292/eljbn.170>.

16. Zhelekhovska, T. (2024). Legal regulation of cryptocurrency and cryptocurrency operations in the European Union. *Visegrad Journal on Human Rights*. <https://doi.org/10.61345/1339-7915.2023.6.31>.

17. Корчагин А. Г., Косыгина А. А., Гулевский Я. Е. Правовая природа криптовалюты // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 114-116.

18. Chilachava, M. (2023). The Role of Cryptocurrencies in Private Law and the General Framework for their Regulation. *Journal of Law*. <https://doi.org/10.60131/jlaw.1.2023.7064>.

19. Yadav, S., & Bhargava, V. (2024). Central Bank Digital Currency: Driving the Shift Towards a Global Cashless Society. *International Journal For Multidisciplinary Research*. <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2024.v06i02.14505>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, цифровая валюта в системе объектов правоотношений. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Понятие криптовалют (или же цифровых валют) представляет собой одно из самых инновационных явлений в сфере информационных технологий и финансов. Ее правовая природа является сложной и многоуровневой, вызывая многочисленные дискуссии в научных кругах. В различных юрисдикциях криптовалюта может рассматриваться как средство платежа, инвестиционный актив или товар. При этом в одних странах криптовалюты признаются легальным средством платежа и регулируются в рамках финансового законодательства, в других - они запрещены или рассматриваются как нелегальные финансовые операции. Отсутствие глобальной унифицированной правовой базы затрудняет эффективную защиту прав потребителей, инвесторов, майнеров и всех остальных субъектов, вовлеченных в отношения с

криптовалютой на международном уровне"; "На наш взгляд, существующие пробелы обусловлены необходимостью нахождения наиболее рационального подхода, что и проявляется в нынешней готовности государства включать криптовалюту в правовую «песочницу». Цифровизация всех сфер жизни, влечет и появление новых финансовых инструментов, поэтому отрицать те из них, которые уже прочно вошли в оборот и доказали свою востребованность рынком, было бы неразумно со стороны законодателя". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Однако, согласившись с отнесением цифровой валюты к бестелесным вещам, мы тем самым исключим из расчета ее содержание, а именно – возможность использования в расчетах. Допустив ее «вещественность» мы придем к тому, что все расчетные операции с использованием криптовалюты становятся операциями обменного характера (меной). Если в отношении наличных денег (отнесенных ст. 128 ГК РФ к разновидности вещей) такое допущение еще возможно с учетом их несомненной натуральности (и то, принимаемой во внимание лишь в случаях, когда ценность приобретает именно форма денег (например, в нумизматике), то в отношении цифровых валют это было бы неверно"; "Достаточно неоднозначной является формулировка п.3 ст1 ФЗ №259-ФЗ о том, что цифровая валюта – это электронные данные, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа. Словосочетание «могут быть приняты» не приемлемы для таких серьезных документов, как Федеральный закон. Такие выражения вызывают двоякое толкование закона. Законодателю следует более конкретно определить понимание «цифровой валюты» и возможность использования ее в расчетах. Более того, запрет на использование цифровых валют в качестве встречного предоставления в ФЗ № 259-ФЗ, представляющийся еще недавно вполне обоснованной и своевременной мерой, направленной на обеспечение экономической безопасности и стабильности страны, сейчас претерпевает трансформацию в связи с вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 223-ФЗ. Он позволяет Банку России начать с 1 сентября 2024 г эксперимент с созданием площадки для использования криптовалют в международных расчетах с использованием экспериментального правового режима"; "Таким образом, исключение выражения «предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа,» из ст. 1 п. 3 Федерального закона 259-ФЗ позволит устранить правовую неопределенность разрешенного правового режима цифровых валют и после принятия решения о правовом режиме и порядке использования в расчетах цифровой валюты позволит доработать пункт 3 статьи 1 Федерального закона 259-ФЗ, чтобы в нем было четко отражено новое положение законодательства"; "Таким образом, абстрактная возможность отнести криптовалюту к средствам платежа есть, но это станет возможным только (и если) после изменения подходов к правовому регулированию, содержащихся в первую очередь в ФЗ №259-ФЗ. Сейчас это невозможно по двум причинам. Во-первых, согласно ст.1 указанного закона, в отношении криптовалют отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем цифровых валют (электронных данных). Исключение составляют операторы и (или) узлы информационной системы, обязанности которых не связаны с имущественными правами обладателя криптовалюты, а имеют больше организационный характер (обеспечение соответствия порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам). Во-вторых, статья 14 этого же закона прямо запрещает предложение неограниченному кругу лиц цифровой валюты, а также товаров (работ, услуг) в целях организации обращения и

(или) обращения цифровой валюты (п.8)" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует цифровую валюту в системе объектов правоотношений, выявляет соответствующие проблемы правового регулирования и правоприменения и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, ученый указывает: "Цифровизация всех сфер жизни, влечет и появление новых финансовых инструментов, поэтому отрицать те из них, которые уже прочно вошли в оборот и доказали свою востребованность рынком, было бы неразумно со стороны законодателя" - "жизни", первая запятая является лишней.

Автор пишет: "Существующая неопределенность, закрепленная отнесением криптовалюты в категорию «иное имущество», только порождает вопросы и препятствует формированию однородной правоприменительной практики" - "однородной".

Ученый отмечает: "Необходимость определить правовой режим цифровых валют в отмечается многими исследователями [18, с.70]" - предлог лишний.

Автор указывает: "Цифровые валюты центрального банка (CBDC) способствуют переходу к глобальному безналичному обществу, поэтому увеличение доли цифровых валют (как фиатных, так и нефинансовых) неизбежно [19, с.1]" - пропущен пробел между словами.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Инициалы ученых в тексте статьи ставятся перед их фамилиями.

Библиография исследования представлена 19 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, учебником), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. И. Гончаров, А. Н. Садков, В. А. Садков, А. В. Саженов и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подводя итог сказанному, следует отметить, что в действующем законодательстве нет таких категорий объектов гражданских прав, которые в полной мере соответствовали признакам цифровой валюты, и к которым ее можно было бы безоговорочно отнести. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы [17, с.115]. Существующая неопределенность, закрепленная отнесением криптовалюты в категорию «иное имущество», только порождает вопросы и препятствует формированию однородной правоприменительной практики. Необходимость определить правовой режим цифровых валют в отмечается многими исследователями [18, с.70]. Эта потребность частично реализована введением промежуточного вида цифровой валюты – цифрового рубля – выпускаемого Банком России в качестве одной из форм существования официальной валюты. При этом сущность цифрового рубля (а ведь именно сущность, а не форма существования имеет значение применительно к денежным средствам) отличается от остальных криптовалют только фиатностью. Цифровые валюты центрального банка (CBDC) способствуют

переходу к глобальному безналичному обществу, поэтому увеличение доли цифровых валют (как фиатных, так и нефиатных) неизбежно [19, с.1]. Представляется, что наилучшим выходом в ситуации, когда доля цифровых валют на финансовых рынках будет только увеличиваться, будет внесение изменений в ст.128 ГК РФ и изложение ее в следующей редакции: «...иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта);...», а также дополнение главы 6 ГК РФ статьей 141.2 «Цифровая валюта». Одновременно представляется необходимым и изменение редакции ФЗ №259-ФЗ в части допущения оборота цифровой валюты в пределах, установленных законом" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Цифровая валюта в системе объектов правоотношений» предметом исследования является цифровая валюта в качестве объекта правоотношений и нормы права, регулирующие ее выпуск и оборот.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных приемов и способов научного познания позволило сформировать собственную авторскую позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Полагаем, что тема данной статьи актуальна на сегодняшний день. Можно согласиться с автором, что «понятие криптовалют и блокчейна представляет собой одно из самых инновационных явлений в сфере информационных технологий и финансов. Ее правовая природа является сложной и многоуровневой, вызывая многочисленные дискуссии в научных кругах. В различных юрисдикциях криптовалюта может рассматриваться как средство платежа, инвестиционный актив или товар. При этом в одних странах криптовалюты признаются легальным средством платежа и регулируются в рамках финансового законодательства, в других - они запрещены или рассматриваются как нелегальные финансовые операции. Отсутствие глобальной унифицированной правовой базы затрудняет эффективную защиту прав потребителей, инвесторов, майнеров и всех остальных субъектов, вовлеченных в отношения с криптовалютой на международном уровне». Действительно по причине существования пробелов и коллизий в правовом регулировании выпуска и оборота цифровой валюты доктринальные разработки необходимы в целях совершенствования правового регулирования общественных отношений, объектом которых является цифровая валюта.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы заслуживающие внимания

положения, которые указывают на важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость, например: «...наилучшим выходом в ситуации, когда доля цифровых валют на финансовых рынках будет только увеличиваться, будет внесение изменений в ст.128 ГК РФ и изложение ее в следующей редакции: «...иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта);...», а также дополнение главы 6 ГК РФ статьей 141.2 «Цифровая валюта». Одновременно представляется необходимым и изменение редакции ФЗ №259-ФЗ в части допущения оборота цифровой валюты в пределах, установленных законом». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную доктрину.

Стиль, структура, содержание. Содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены автором требования по объему материала. Материал изложен последовательно и ясно. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Автором предпринята попытка структурировать статью. Введение отвечает установленным требованиям. В заключении же следует сформулировать итоги исследования, а не ограничиваться общим выводом, кроме того, ссылки на других авторов в заключении неуместны.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на имеющиеся источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования. Анализируя разные точки зрения, автор высказывает собственное аргументированное мнение.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Цифровая валюта в системе объектов правоотношений» рекомендована к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Право и политика». Статья написана на актуальную тему и отличается научной новизной. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права, цифрового права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Троянов Я.О. Общественная опасность картелей и цель их криминализации // Право и политика. 2025. № 2. С.36-51. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.69763 EDN: DLBAOD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69763

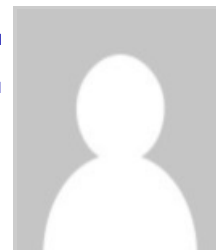
Общественная опасность картелей и цель их криминализации

Троянов Ярослав Олегович

аспирант, кафедра правоохранительной деятельности уголовного права и процесса, Псковский государственный университет

196128, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Варшавская, 23к1, кв. 52

✉ jaroslawt96@mail.ru

[Статья из рубрики "Закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.2.69763

EDN:

DLBAOD

Дата направления статьи в редакцию:

05-02-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Признание деяния преступлением является выражением признания общественной опасности такого деяния. Одним из деяний, запрещаемых УК РФ, является ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ). Конкуренция является основополагающей идеей рыночной экономики и базовой идеей долгосрочного развития государственной экономики и благосостояния граждан в современном мире. В связи с этим обоснованным является не только ее поддержка, но и защита со стороны государства. При этом часто возникают вопросы о необходимости ее защиты в рамках уголовно-правового порядка, что приводит к разговорам о необходимости декриминализации картелей. Вышеуказанные вопросы, в свою очередь, вызывает научный интерес в изучении самого преступления и его влияния на общественные отношения. Как известно, одним из принципов преступления является общественная

опасность. При этом в теории отсутствует единый подход к пониманию общественной опасности картелей. Сложности создает и сложившаяся судебная практика, свидетельствующая о наличии уголовно-правовых картелей только на торгах (при распределении бюджетных и около бюджетных средств). Указанные обстоятельства привели к изучению понимания общественной опасности в целом (как понятия) и общественной опасности картелей в теории и на практике, в частности, а также изучению двух противоположных подходов: декриминализации и ужесточения наказания за картели. В работе использовались методы логического и аналитического анализа научных работ, отечественного и международного законодательства. Автором проведен анализ подходов к толкованию общественной опасности, в частности экономических преступлений (в состав которых входит ст. 178 УК РФ) и даны собственные выводы о толковании данного понимания. Автором проанализирована судебная практика, теоретические подходы и сделаны выводы о целях уголовного наказания участников картеля. Так автор пришел к выводу о том, что приоритетной целью криминализации картелей является вред, причиняемый бюджету государства, а не хозяйствующим субъектам, осуществляющим деятельность на конкурентных рынках. Указанные выводы являются актуальными для лиц, осуществляющих как теоретическое исследование вопроса уголовной ответственности за ограничение конкуренции, так и для лиц, осуществляющих правоприменительную и правотворческую деятельность в сфере защиты конкуренции.

Ключевые слова:

Картель, сговор, антиконкурентное соглашение, общественная опасность, конкуренция, декриминализация, ограничение, торги, хозяйствующие субъекты, экономика

Введение

В соответствии с общепринятым подходом в УК РФ включаются правонарушения, создающие опасность причинения или причиняющие наиболее высокий вред общественным отношениям (общественно опасные деяния). В число таких преступлений входит и ограничение конкуренции, запрещенное ст. 178 УК РФ.

При этом периодически встречаются предложения о декриминализации. В основном, в число лиц, выступающих за декриминализацию картелей, входят представители бизнес сообщества. Так, в начале 2023 года за декриминализацию выступали: Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей^[1], представители экспертного центра «Деловой России» по антимонопольному регулированию^[2], общественное объединение «Опора России», Российский союз промышленников и предпринимателей^[3] и другие представители бизнес сообщества.

Сторонники декриминализации считают, что уголовное наказание является избыточным, а сами картели должны пресекаться исключительно экономическими санкциями, т. е. цены на товарных рынках, за исключением социально значимых товаров, достаточно эффективно регулируется самим рынком. Дополнительным аргументом считается неэффективность статьи (с учетом количества приговоров) и низкая юридическая техника при описании состава преступления.

С другой стороны поступают предложения об ужесточении ответственности (в т. ч. уголовной) за совершение рассматриваемых действий^[4]. Указанной позиции

придерживается большинство экспертов антимонопольного права: А. П. Тенишев, А. В. Смирнова, А. Ю. Цариковский и многие другие.

Эксперты, считают, что только ужесточение наказания может реально способствовать изменению положения, страх реального лишения свободы участников картеля. А безнаказанность виновных может стать фактором, который приведет к социальной нестабильности, вот почему расследование картельных сговоров стало приоритетом деятельности государственных органов. По их мнению, последствия картельных сговоров очевидны, в том числе и в части социального ущерба в виде уменьшения числа рабочих мест и изменения условий найма. А отсутствие у производителей мотивов для развития, значительные барьеры входа новых фирм в отрасль и подрыв доверия общества к основам рыночной экономики всегда провоцируют стагнацию рынка.

О необходимости борьбы с картелями (а значит их высокой общественной опасности) свидетельствует позиция Президента РФ, по инициативе которого в 2021 году был утвержден Национальный план развития конкуренции, в котором в качестве одного из основных направлений выделена работа по активизации и повышения эффективности борьбы с картелями.

В настоящий момент в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится законопроект № 848246-7 о внесении изменений в ст. 178 УК РФ, предусматривающих ужесточение санкций за заключение картеля, выделение отдельного состава за заключение картеля на торгах, включение нового квалифицирующего признака – совершение деяния организованной группой.

Так в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 178 УК РФ и статью 151 УПК РФ» № 848246-7, предусматривающему ужесточение наказания за картели, приводятся следующие аргументы за ужесточение ответственности: рост числа картелей и их проникновение в жизненно важные сферы. По мнению авторов законопроекта «данные обстоятельства требуют соответствующего ответа, в частности, внесения в законодательство Российской Федерации таких изменений, которые отразят существенно возросшую общественную опасность картелей, а также будут способствовать развитию практики противодействия им».

Отдельно бы хотелось отметить, что автор не считает указанные аргументы качественным обоснованием ужесточения уже имеющейся ответственности за участие в картелях.

Из теории права следует, что базовым основанием для ужесточения ответственности за умышленные деяния является несоответствие наказания последствиям (причиненным, желаемым или возможным) самого деяния, т.е. случаи, когда лицо, совершающее деяние, соглашается и считает допустимыми предусмотренные санкции за свои действия. В качестве иного обстоятельства выделяют изменение общества и отношения в нем к совершаемому деянию.

Возвращаясь к доводам, указанным в пояснительной записке к законопроекту № 848246-7, необходимо отметить, во-первых, что рост числа преступлений (картелей) не является показателем повышения уровня общественной опасности самого правонарушения, т.к. сущностно не увеличивает опасность самого деяния, т.к. показатель является сугубо количественным фактором (статистическим), не отражающим общественную опасность преступления.

Во-вторых, проникновение картелей в жизненно важные сферы может свидетельствовать о необходимости ужесточения ответственности только за картели в таких сферах, но не

за любые иные картели.

Таким образом мы видим совершенно разные подходы к восприятию общественной опасности картелей, что со своей стороны вызывает научный интерес к данному вопросу.

При этом круг общественно опасных деяний постоянно меняется в связи с изменениями в обществе, экономике и иных сферах жизни. Данное обстоятельство приводит к тому, что одни общественно опасные деяния криминализируются (преступления в сфере компьютерной информации), другие – декриминализируются.

Далее автор рассмотрит наиболее популярные подходы к пониманию и природе общественной опасности, ее наличия в экономических преступлениях (в частности, в преступлении, предусмотренном ст.178 УК РФ), проведет их анализ (с использованием методов дедукции, индукции, сравнения и классификации), даст им свою оценку и выдвинет свои предположения по рассматриваемым в работе вопросам.

Общественная опасность как правовая категория

Общественная опасность, как категория в правовой науке, входит в число одних из самых обсуждаемых категорий. Одни поддерживают наличие данного критерия в определении преступления, другие считают необходимым уходить от данной категории.

Зарубежная доктрина не отрицает рассматриваемый критерий, однако, не придает ему серьезного значения. Так большое количество теоретиков считают, что в определении понятия преступления отсутствует необходимость отражения общественной опасности как материального признака. В число таких лиц входит: С. Шапиро, М. Иннерс, К. Хэмдорф [\[30\]](#).

Действующее законодательство РФ не содержит в себе положений, расшифровывающих понятие «общественной опасности». Судебная практика также глубоко не погружается в данный вопрос.

Общественная опасность является важной категорией уголовного (да и не только) права, определяющей признание или не признание деяния преступным, а также категорией, определяющей ответственность лица, совершившего преступление. Отечественная доктрина уголовного права в РФ стоит на позиции обязательного включения в понимание преступления критерия общественной опасности.

При этом в теории отсутствует единый подход к пониманию общественной опасности как критерия, что не позволяет установить какие-либо рамки данного понятия. Данное обстоятельство, в свою очередь, приводит к трудностям как на практике (например, при разграничении правонарушений и преступлений, так и при оценке малозначительности преступления), так и в теории (а значит и в процессе обучения лиц, в дальнейших осуществляющих деятельность в сфере уголовно-правовых наук).

С чем же связана данная проблема?

Понятие общественной опасности включает в себя два слова «общественная» и «опасность». Так слово «общественная» ограничивает круг понятия, определяя его границы. При этом в теории отсутствуют серьезные разногласия относительно того, что понимается под обществом. В общепринятом смысле это группа лиц, связанных между собой прямо или косвенно какими-либо отношениями и проживающие свою жизнь в рамках одних социальных институтов и сфер жизнедеятельности.

При толковании понятия «общественно опасности», по мнению автора, необходимо не соотносить понятие общества и государства (как юридического «объединения» людей), т.к. в данном случае ряд действий не будут являться (восприниматься) общественно опасными.

Также общественной опасным деянием должно признавать не только деяние, создающее опасность для общества (как группы лиц), но и для конкретного (одного) участника общества. Иное позволит говорить об отсутствии общественной опасности, например, в случае причинения физического вреда конкретному человеку (буквально можно говорить о том, что вред причинен индивиду, а не обществу). Т.е. оно общественное по тому, что признается таким обществом, а не потому, что вред причиняется обществу. Данная позиция поддерживается Н. Ф. Кузнецовой^[7], которая указывает, что общественно опасные деяния сотрясают основы общества и условия его существования как общепринятые в нем нормы и правила (в т.ч. в межличностных отношениях).

В свою очередь, слово «опасность» является сугубо субъективным понятием. Данная позиция поддерживается и С. А. Бочкаревым, который указывает, что «опасность относится к бытию человека, поскольку уходит своими корнями в онтологию бытия человека, поскольку имеет родственную связь с инстинктом самосохранения: опасность является интеллектуальным, а инстинкт – волевым моментом в деятельности человека»^[8, с. 93-102].

В соответствии с толковым словарем Ожегова под опасностью понимается «возможность, угроза чего-н.», по толковому словарю Ушакова – «Возможность, угроза бедствия, катастрофы, чего-н. нежелательного». Таким образом опасность – это всегда восприятие лица какого-либо негативного события (возможность его наступления).

Так, например, одно лицо считает опасным управлять транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, другое лицо считает это нормальным (как минимум не опасным). При этом большинство (общество, в некотором понимании) придерживаются первого взгляда, в связи с чем в обществе данное деяние считается («презюмируется») опасным.

Таким образом под общественно опасным деянием необходимо понимать такое деяние, какое считается (воспринимается) опасным в определенной группе лиц (обществе) вне всяких сомнений большинства данного общества.

Автор считает качественным и наиболее полным понимание рассматриваемого термина, изложенное Н. А. Лопашенко, А. В. Голиковой и другими^[10] в работе «Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации», в которой под общественной опасностью понимается «возможность негативных изменений в обществе или общества, возможность негативных последствий, вреда, причиняемых обществу, или же, наоборот, как продуцируемая обществом возможность негативных последствий в нем же или возможность негативных последствий для членов и нечленов общества, для государства, для природных объектов, для мира и безопасности человека». Не смотря на достаточно длинную формулировку, ее необходимо считать наиболее полно охватывающей суть, которую теория и правоприменительная практика вкладывают в рассматриваемый критерий.

При этом, по мнению автора, общественная опасность является критерием не только уголовно-правовым, а критерием любого деяния, в т. ч. и деяния, не являющимся правонарушением (т.е. не считающимся таковым в соответствии с волей законодателя).

Специфика уголовно-правовой общественной опасности состоит в том, что она является наиболее высокой (т.е. причиняется более существенный вред) по сравнению с иными деяниями. К тому же общественная опасность может содержаться и в общественно позитивном деянии, например, в необходимой обороне.

Общественная опасность в рамках действующего законодательства Российской Федерации

Позиция действующего законодательства относительно понимания общественной опасности хорошо отражена в позиции Ю. И. Ляпунова [\[9, с. 119\]](#) который указывает, что любые нарушения норм законодательства РФ содержат в себе признаки социальной вредности, т.к. наносят вред интересам общества, при этом в тех случаях, когда вредность достигает уровня опасности (критического порога), она преобразуется в общественную опасность, характеристику, свойственную только преступлению и уголовному проступку.

Аналогичной позиции придерживается и Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова и другие [\[10\]](#), определяя рассматриваемый критерий в иных (не уголовных) правонарушениях «общественной вредностью». В качестве обязательных признаков общественной опасности авторы выделяют: 1) затрагивание значимых отношений 2) вредоносный потенциал, чреватый причинением существенного вреда 3) наличие последствий 4) виновное отношение субъекта.

Считаем, что критерий под номером 3 не может считаться корректным признаком общественной опасности. Так не любое деяние (в т.ч., признаваемое преступлением) несет в себе последствие (в материальном смысле), при этом само по себе деяние не перестает быть общественно опасным (планирование преступления, подготовка к нему, формальные составы преступления).

Схожая позиция изложена судьей Конституционного Суда РФ К. В. Арановским в особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 №32-П, который под общественной опасностью понимает «не только объективный риск, ... который нельзя измерить, но и субъективное состояние, и в этом смысле она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают, в частности, законодательным решением по праву конституционного народовластия и в силу законодательных полномочий. Уголовный закон выражает меру опасности по итогам законодательной процедуры в обобщенной условной оценке, которую деяние получает в представлениях и решениях субъектов законодательной деятельности, когда они нормативным образом квалифицируют его и тем самым называют границы, чтобы суд со своей стороны мог в этих пределах квалифицировать опасность отдельных преступлений по отдельным уголовным делам».

Таким образом мы можем утверждать, что в соответствии с действующей доктриной, законодатель считает критерий общественной опасности характерным только для уголовно-правового законодательства, тем самым выделяя данную отрасль права.

Общественная опасность антиконкурентных соглашений (картелей)

Переходя к общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, необходимо начать с того, что преступление является «экономическим». Под экономическими преступлениями понимаются общественно опасные деяния, совершаемые хозяйствующими субъектами в предпринимательской и иной экономической сфере. Большинство таких деяний находится на стыке гражданских и уголовных правоотношений.

Сама по себе состоятельность уголовно-правового воздействия на экономические отношения, рациональность и легитимность такого воздействия, является одним из наиболее обсуждаемых вопросов, в т. ч. возникающих в связи с оценкой общественной опасности таких деяний.

Как верно, по мнению автора, замечают большое количество ученых (Н. Ф. Кузнецова, А. Е. Тесленко) криминализация деяний в этой сфере должно подлежать подробному и глубокому анализу на предмет опасности таких деяний и их последствий. Негативные последствия от ужесточения законодательства в сфере экономики (в части уголовно-правовой квалификации), отсутствие единого подхода к толкованию положений влечет за собой подавление инициативы лиц в экономическом секторе, одном из базовых секторов, обеспечивающих жизнедеятельность государства.

Важную мысль декларирует А. Е. Тесленко «Нестабильность и несформированность экономических правоотношений непосредственным образом формирует неадекватное признание того или иного деликта как общественного опасного. Как следствие, неверным путем идет уголовное правотворчество, ..., формируется неоднородное общественное правосознание» [\[11\]](#). Последнее может привести к проблемам в разграничении уголовно-правовые и гражданско-правовые деликты (указанное подтверждается многочисленной практикой), что, очевидно, не является позитивным моментом в правоприменительной практике.

Таким образом, с учетом отнесения данного вида деяния к уголовно-наказуемым, можно преюдицировать, что законодатель видит серьезную общественную опасность в картельных соглашениях.

В соответствии с пояснительной запиской к законопроекту № 848246-7 высокая общественная опасность связана с завышением цен (18% на товарных рынках и 30% на торгах), что приводит к ущербу в размере 1,5-2% размера ВВП ежегодно (при этом порядок расчета ущерба в открытом доступе не обнаружен). Указанный аргумент указан в подавляющем числе научных работ на данную тему.

Другие, например А. А. Булаева и Е. О. Кобрусев [\[12\]](#), видят опасность в искусственном росте цен, сокращении товарного ассортимента и в стагнации товарных рынков.

А. В. Даниловская и А. П. Тенишев отмечают, что картели «дискредитируют правовые основы экономических отношений, государственную политику по поддержке и охране конкуренции, доверие к государственным институтам, участвующим в этих процессах» [\[3\]](#).

Являются ли данные аргументы обоснованными и достаточными для квалификации деяния в качестве уголовно-наказуемого? Дополнительной актуальности данному вопросу придает тот факт, что в большинстве стран картели хоть и признаются общественно-опасным деянием, но не преступлением. Означает ли это, что в Российской Федерации вред от картелей опасностей выше, чем в большинстве стран?

По мнению автора, причиной внесения рассматриваемого деяния в разряд уголовно-наказуемых являются особенности экономики нашей страны, а именно большой долей государственных средств (как на прямую, так и через юридические лиц) в экономике.

Подтверждением данного вывода может служить тот факт, что подавляющее большинство картелей (как уголовно-наказуемых, так и нет), в соответствии с информацией ФАС России, заключаются на торгах (т.е. при расходовании бюджетных средств и средств

государственных и муниципальных компаний). Об этом свидетельствует и тот факт, что в подавляющем числе работ (в т.ч. позициях государственных органов) в качестве основного негативного фактора выделяется ущерб экономике в размере ВВП (данный показатель, обычно, используется для оценки эффективности государства (страны) на международном уровне, а не при оценке влияния на бизнес внутри страны).

При этом картели на торгах, которые, как указано ранее, являются преимущественными картелями (приговоры по иным видам картелей не обнаружены), фактически, не оказывают негативное отношение на иных участников рынка. Указанное подтверждается тем, что сам по себе картель при участии в торгах не может повлиять на предлагаемую цену иными участниками, т.к. в ходе торгов они сами определяют предельно допустимый уровень своего ценового (не ценового) предложения, на которое участники картеля воздействовать не могут. При наличии такого воздействия (как со стороны участников картеля, так и со стороны третьих лиц) можно говорить о наличии иных составов правонарушения, но они не будут охватываться деянием, запрещенным ст. 178 УК РФ.

При этом, по мнению автора, очевиден вред для хозяйствующих субъектов (участников рынка) от картелей на товарных рынках (не торгах). Именно соответствующие картели должны быть уголовно-наказуемы, т.к. причиняют реальный вред обществу и его экономическому развитию. Так, например, соглашение об отказе от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями позволяет участникам картеля устранять неудобных для них участников рынка либо диктовать условия, выгодные для участников соглашения, чаще всего, не выгодные для иных лиц.

Аналогичная ситуация и с картелями, направленными на сокращение или прекращение производства товара. Рассматриваемые действия приводят к «контролируемому» и необоснованному дефициту товара с целью извлечения необоснованной сверхприбыли с простых потребителей.

Выводы

Таким образом можно говорить о возможности разграничения картелей, наносящих (возможных нанести) вред государству, и картелей, наносящий вред (возможных нанести) хозяйствующим субъектам и простым гражданам. При этом, фактически, вторые картели в нашей стране не выявляются (с 2015 г. ст. 178 УК РФ не применялась к классическим картелям на товарных рынках [\[14, с. 521\]](#)), а виновные лица к уголовной ответственности не привлекаются. Означает ли это, что картелей на товарных рынках нет? Очевидно, что нет. Однако мы видим, что борьба с такими картелями, фактически, не осуществляется. Из этого следует, что законодатель, ужесточая уголовную ответственность за картели, с учетом практики выявления антиконкурентных соглашений, видит опасность картелей для государства и его ресурсов, а не для хозяйствующих субъектов и простых граждан по отдельности.

По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что вопрос об ужесточении уголовной ответственности за картели является достаточно спорным и неоднозначным, не говоря уже о самой необходимости такой ответственности за рассматриваемое деяние. При этом соответствующие вопросы являются актуальными и на международном уровне, с учетом неоднозначной мировой практики по данной проблеме. Указанные обстоятельства создают условия для больших научных исследований по данному вопросу, которые, в свою очередь, могут оказать содействие государственным органам в формировании более рационального и общественно необходимого решения по вопросу криминализации/декриминализации картелей.

[1] <https://www.rbc.ru/economics/10/03/2023/640a02c59a794738626a7e49>

[2] <https://deloros.ru/press-centr/novosti/novosti-ekspertnoy-palaty/delorossy-poprosili-sovet-federatsii-podderzhat-dekriminalizatsiyu-kartelej-na-tovarnykh-rynках>

[3] <https://tass.ru/ekonomika/5416985>

[4] <https://www.kommersant.ru/doc/6148865>

Библиография

1. Даниловская, А. В. Экономическое обоснование уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции / А. В. Даниловская // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 2(171). – С. 93-107. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.093-107. – EDN SZAFJZ.
2. Шишкин, М. В. Антимонопольное регулирование : Учебник и практикум / М. В. Шишкин, А. В. Смирнов. – 1-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 1 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-08003-2. – EDN CTWBBS.
3. Даниловская, А. В. Криминализация как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции / А. В. Даниловская // Право и политика. – 2023. – № 12. – С. 67-85. – DOI: 10.7256/2454-0706.2023.12.69454. – EDN APKLDR.
4. Егорова, М. А. Правовая защита конкуренции в условиях формирующихся цифровых рынков / М. А. Егорова, О. В. Кожевина, А. Ю. Кинев // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 2(171). – С. 40-49. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.040-049. – EDN PXUSLS.
5. Коряков, О. О. Сговор участников торгов как наиболее опасный вид картельного соглашения / О. О. Коряков // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 31 марта 2023 года / Сост. И.В. Хмиль, под редакцией С.А. Трофимова, Е.В. Евсиковой. Том 1. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 789-796. – EDN JARJLO.
6. Жариков, А. А. Современные особенности конкуренции в сфере государственных закупок / А. А. Жариков // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 87-7. – С. 51-55. – DOI: 10.18411/trnio-07-2022-271. – EDN LCHKZT.
7. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова// Избранные труды. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – 834 с.
8. Бочкарев С.А. О природе общественной опасности преступления / С.А. Бочкарев // Известия вузов. Правоведение. – 2009. № 5.
9. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права / Ю.И. Ляпунов. М.: Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989.
10. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4.
11. Тесленко А.Е. Общественная опасность как основание криминализации экономических преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010.
12. Булаева, А. А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции / А. А. Булаева, Е. О. Кобрусев // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : сборник научных статей 9-й Международной научно-практической конференции: в 2 томах, Курск, 21–22 ноября 2019 года. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 99-102. –

EDN UCHKEP.

13. Бохан, А. П. Теоретические основы криминализации общественно-опасных деяний и декриминализации деяний, утративших общественную опасность / А. П. Бохан, С. П. Ставило // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 11(150). – С. 114-118. – EDN UTCWUT.

14. Даниловская А.В. Уголовно-правовая политика в сфере охраны добросовестной конкуренции и конкурентная политика: соотношение и проблемы взаимозависимости // Юридические исследования. – 2023. – № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.9.43993 EDN: VMQZQA

15. Федоров, Ю. В. Цифровые картели-как новый способ ограничения конкуренции (статья 178 УК РФ) / Ю. В. Федоров // Право и управление. – 2023. – № 12. – С. 542-547. – DOI: 10.24412/2224-9133-2023-12-542-547. – EDN EMJWQF.

16. Джон М. Конор. Надбавки за фиксирование цен: 3-е издание. Февраль 2014.

17. Левенштейн М.К., Суслов В.Ю. Что определяет успех картеля? // Журнал экономической литературы. 2006. №1. Выпуск 44.

18. Рилей А. Модернизация картельных санкций: эффективные санкции за сговор цен в Европейском Союзе // Обзор европейского законодательства о конкуренции. – 2011. №32(11). С. 558-560.

19. Катсоулакос, Ю. Сочетание картельных штрафов и частных исков о возмещении ущерба: влияние на картельные цены / Ю. Катсоулакос, Мотченкова Е., Ульпф Д // Международный журнал Промышленной Организации. – 2020. № 73. – С. 1-18.

20. Фокс Э. На пути к мировому антимонопольному законодательству и доступу к рынкам // 91 Американский журнал международного права – 1997. № 1.

21. Риго Э.Р. Государственные предприятия на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Центральной Азии: размер, роль, эффективность и проблемы. // Международный валютный фонд, Публикационные службы, Вашингтон – 2021.

22. Дхарма С.Н. Принцип конкурентной нейтральности государственных предприятий к доступу к правосудию по вопросам деловой практики // Российский юридический журнал. № 3 – 2023. С. 1287-1302.

23. Видъяга Г. Общественное понимание роботизированной торговли в контексте торгового права: сильные и слабые стороны. Вебология (ISSN: 1735-188X)-№19 (1). – 2022.

24. Андросов, С. В. Основная причина, препятствующая предупреждению преступных картельных соглашений (ст. 178 УК РФ) / С. В. Андросов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Между народной научно-практической конференции, Москва, 20–21 января 2022 года. – Москва: Блок-Принт, 2022. – С. 536-540. – EDN SIZEBR.

25. Яковлев-Чернышев, В. А. Особенности картельных сговоров на государственных торгах / В. А. Яковлев-Чернышев // ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2022 : сборник статей XLVII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 января 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 145-147. – EDN UXNVSZ.

26. Абибулаев, Э. С. Развитие современных монополий / Э. С. Абибулаев, А. А. Аметов // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства : Сборник научных трудов / Под общей редакцией З.О. Адамановой. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 14-17. – EDN SAUURS.

27. Кузьменко, А. В. Влияние картельных соглашений на экономику Российской Федерации / А. В. Кузьменко, К. Р. Гусейнова // Молодежь и системная модернизация страны : Сборник научных статей 7-й Международной научной конференции студентов и

молодых ученых, Курск, 19–20 мая 2022 года. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 236-239. – EDN OFIUVX.

28. Пеперкорн Л. Политика конкуренции не является временным решением! // Журнал европейского конкурентного права и практики. – 2021. Том. 12. Вып. 6.

29. Урлих Х. Частное исполнение Правил ЕС о конкуренции – пренебрежение недействительностью / Х. Урлих // Международный обзор законодательства об интеллектуальной собственности и конкуренции. – 2021. – №2. – С. 606-635.

30. Хэмдорф К. Концепция совместной преступной группы и внутригосударственные способы ответственности участников преступления: сравнение немецкого и английского права // Журнал международного уголовного правосудия. – №1 – С. 208-210.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, общественная опасность картелей и цель их криминализации. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается следующим образом: "В соответствии с общепринятым подходом в УК РФ включаются правонарушения, создающие опасность причинения или причиняющие наиболее высокий вред общественным отношениям (общественно опасные деяния). В число таких преступлений входит и ограничение конкуренции, запрещенное ст. 178 УК РФ. При этом периодически встречаются предложения о декриминализации. В основном, в число лиц, выступающих за декриминализацию картелей, входят представители бизнес сообщества. Так в начале 2023 года за декриминализацию выступают: Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей[1], представители экспертного центра «Деловой России» по антимонопольному регулированию[2], общественное объединение «Опора России», Российский союз промышленников и предпринимателей[3] и другие представители бизнес сообщества.

Сторонники декриминализации считают, что уголовное наказание является избыточным, а сами картели должны пресекаться исключительно экономическими санкциями, т. к. цены на товарных рынках, за исключением социально значимых товаров, достаточно эффективно регулируется самим рынком. Дополнительным аргументом считается неэффективность статьи (с учетом количества приговоров) и низкая юридическая техника при описании состава преступления.

С другой стороны поступают предложения об ужесточении ответственности (в т. ч. уголовной) за совершение рассматриваемых действий[4]. Указанной позиции придерживается большинство экспертов антимонопольного права: А. П. Тенишев, А. В. Смирнова, А. Ю. Цариковский и многие другие"; "... мы видим совершенно разные подходы к восприятию общественной опасности картелей, что со своей стороны вызывает научные интерес к данному вопросу".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "...под общественно опасным деянием необходимо понимать такое деяние, какое считается (воспринимается) опасным в определенной группе лиц (обществе) вне всяких сомнений большинства данного общества"; "... общественная опасность является критерием не только

уголовно-правовым, а критерием любого деяния, в т. ч. и деяния, не являющимся правонарушением (т.е. не считающимся таковым в соответствии с волей законодателя). Специфика уголовно-правовой общественной опасности состоит в том, что она является наиболее высокой (т.е. причиняется более существенный вред) по сравнению с иными деяниями. К тому же общественная опасность может содержаться и в общественно позитивном деянии, например, необходимая оборона"; "... можно говорить о возможности разграничения картелей, наносящих (возможных нанести) вред государству, и картелей, наносящий вред (возможных нанести) хозяйствующим субъектам и простым гражданам. При этом, фактически, вторые картели в нашей стране не выявляются (с 2015 г. ст. 178 УК РФ не применялась к классическим картелям на товарных рынках [14, с. 52]), а виновные лица к уголовной ответственности не привлекаются. Означает ли это, что картелей на товарных рынках нет? Очевидно, что нет. Однако мы видим, что борьба с такими картелями, фактически, не осуществляется. Из этого следует, что законодатель, ужесточая уголовную ответственность за картели, с учетом практики выявления антиконкурентных соглашений, видит опасность картелей для государства и его ресурсов, а не для хозяйствующих субъектов и простых граждан по отдельности. в общественно позитивном деянии, например, необходимая оборона" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи разбита на несколько разделов: "Общественная опасность как правовая категория"; "Общественная опасность в рамках действующего законодательства Российской Федерации"; "Общественная опасность антиконкурентных соглашений (картелей)". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Ученый пишет: "Зарубежная доктрина не отрицает рассматриваемый критерий, однако, не придает ей серьезного значения. Так большое количество теоретиков считают, что в определении понятия преступления отсутствует необходимость отражения общественной опасности как материального признака. В число таких лиц входит: С. Шапиро, М. Иннерс, К. Хэмдорф"; "В соответствии с толковым словарем Ожегова под опасностью понимается «возможность, угроза чего-н.», по толковому словарю Ушакова – «Возможность, угроза бедствия, катастрофы, чего-н. нежелательного», аналогичные толкования даны и в иных словарях", но не приводит ссылок на источники информации. Автор отмечает: "Считаю, что критерий под номером 3 не может считаться корректным признаком общественной опасности" - "Считаем, что ....".

В работе встречается множество опечаток и пунктуационных ошибок.

Так, автор пишет: "О необходимости борьбы с картелями (а значит их высокой общественной опасности) свидетельствует позиция Президента РФ, по инициативе которого в 2021 году был утвержден Национальный план развития конкуренции в котором в качестве одного из основных направлений выделена работа по активизации и повышения эффективности борьбы с картелями" - после слова "конкуренции" пропущена запятая.

Ученый указывает: "Также, в настоящий момент, в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится законопроект № 848246-7 о внесении изменений в ст. 178 УК РФ, предусматривающих ужесточения санкций за заключение картеля, выделение отдельного состава за участие заключение картеля на торгах, включение нового

квалифицирующего признака – совершение деяния организованной группой" - первые две запятые являются лишними; "предусматривающих ужесточение", "за участие в заключении".

Автор отмечает: "Таким образом мы видим совершенно разные подходы к восприятию общественной опасности картелей, что со своей стороны вызывает научный интерес к данному вопросу" - "научный".

Приведенный перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании.

Библиография исследования представлена 29 источниками (монографиями, научными статьями и учебником). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. Шапиро, М. Иннерс, К. Хэмдорф и др.). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом можно говорить о возможности разграничения картелей, наносящих (возможных нанести) вред государству, и картелей, наносящий вред (возможных нанести) хозяйствующим субъектам и простым гражданам. При этом, фактически, вторые картели в нашей стране не выявляются (с 2015 г. ст. 178 УК РФ не применялась к классическим картелям на товарных рынках [14, с. 52]), а виновные лица к уголовной ответственности не привлекаются. Означает ли это, что картелей на товарных рынках нет? Очевидно, что нет. Однако мы видим, что борьба с такими картелями, фактически, не осуществляется. Из этого следует, что законодатель, ужесточая уголовную ответственность за картели, с учетом практики выявления антиконкурентных соглашений, видит опасность картелей для государства и его ресурсов, а не для хозяйствующих субъектов и простых граждан по отдельности. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что вопрос об ужесточении уголовной ответственности за картели является достаточно спорным и неоднозначным, не говоря уже о самой необходимости такой ответственности за рассматриваемое деяние" и др.), обладают свойствами достоверности и обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Общественная опасность картелей и цель их криминализации».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам уголовной ответственности за ряд деяний, связанных с ограничением конкуренции. Как отмечает автор, «В соответствии с общепринятым подходом в УК РФ включаются правонарушения, создающие опасность причинения или причиняющие наиболее высокий вред общественным отношениям (общественно опасные деяния). В число таких преступлений

входит и ограничение конкуренции, запрещенное ст. 178 УК РФ». Заявленные аспекты рассматриваются с точки зрения общеуголовной категории «общественная опасность». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, нормы действующего законодательства, мнения ученых, материалы правоприменительной практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об общественной опасности картелей и необходимости их криминализации. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм УК РФ). Например, следующий вывод автора: «В настоящий момент в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится законопроект № 848246-7 о внесении изменений в ст. 178 УК РФ, предусматривающих ужесточение санкций за заключение картеля, выделение отдельного состава за заключение картеля на торгах, включение нового квалифицирующего признака – совершение деяния организованной группой. Так в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 178 УК РФ и статью 151 УПК РФ» № 848246-7, предусматривающему ужесточение наказания за картели, приводятся следующие аргументы за ужесточение ответственности: рост числа картелей и их проникновение в жизненно важные сферы. По мнению авторов законопроекта «данные обстоятельства требуют соответствующего ответа, в частности, внесения в законодательство Российской Федерации таких изменений, которые отразят существенно возросшую общественную опасность картелей, а также будут способствовать развитию практики противодействия им»».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением эмпирических материалов, в частности статистических данных. В частности, отметим следующий авторский вывод: «В соответствии с пояснительной запиской к законопроекту № 848246-7 высокая общественная опасность связана с завышением цен (18% на товарных рынках и 30% на торгах), что приводит к ущербу в размере 1,5-2% размера ВВП ежегодно (при этом порядок расчета ущерба в открытом доступе не обнаружен). Указанный аргумент указан в подавляющем числе научных работ на данную тему».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема уголовной ответственности за ряд деяний, связанных с ограничением конкуренции. Такие деяния встречаются на практике, однако, как правильно указывает автор статьи, далеко не всегда оказываются выявленными на

практике. Имеются проблемы соотношения необходимости данной категории преступлений с сущностью категории общественной опасности. Сложно спорить с автором в том, что «периодически встречаются предложения о декриминализации. В основном, в число лиц, выступающих за декриминализацию картелей, входят представители бизнес сообщества. Так, в начале 2023 года за декриминализацию выступали: Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей[1], представители экспертного центра «Деловой России» по антимонопольному регулированию[2], общественное объединение «Опора России», Российский союз промышленников и предпринимателей[3] и другие представители бизнес сообщества. Сторонники декриминализации считают, что уголовное наказание является избыточным, а сами картели должны пресекаться исключительно экономическими санкциями, т. к. цены на товарных рынках, за исключением социально значимых товаров, достаточно эффективно регулируется самим рынком. Дополнительным аргументом считается неэффективность статьи (с учетом количества приговоров) и низкая юридическая техника при описании состава преступления». Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что вопрос об ужесточении уголовной ответственности за картели является достаточно спорным и неоднозначным, не говоря уже о самой необходимости такой ответственности за рассматриваемое деяние. При этом соответствующие вопросы являются актуальными и на международном уровне, с учетом неоднозначной мировой практики по данной проблеме. Указанные обстоятельства создают условия для больших научных исследований по данному вопросу, которые, в свою очередь, могут оказать содействие государственным органам в формировании более рационального и общественно необходимого решения по вопросу криминализации/декриминализации картелей».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению имеющихся научных точек зрения, что может в перспективе помочь в процессе совершенствования законодательства.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Право и политика», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с уголовной ответственности за ряд деяний, связанных с ограничением конкуренции.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно

использована литература, представленная авторами из России (Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. и другие) Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области уголовного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам уголовной ответственности за создание картелей.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Бельшков Д.С. Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2025. № 2. С.52-64. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73453 EDN: DNJPRU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73453

Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации

Бельшков Дмитрий Сергеевич

ORCID: 0000-0002-7279-7421

аспирант; Юридический факультет; Государственный академический университет гуманитарных наук

119049, Россия, г. Москва, Мароковский переулок, дом 26

✉ belyshkov@mail.ru

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.2.73453

EDN:

DNJPRU

Дата направления статьи в редакцию:

22-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Работа погружается в историю применения конституционного правила, запрещающего использовать в суде доказательства, добытые с нарушением закона. Автор достигает цель в выявлении системных противоречий в практике Верховного Суда РФ – баланс между буквой закона и поиском истины: когда формальные ошибки следствия «прощаются» ради установления виновности? С 2017 года суды стали отсеивать только доказательства с «существенными» нарушениями, оставляя лазейку, что предлагается именовать «принципом добросовестного нарушения». Однако граница между существенными и несущественными нарушениями, так и не была обозначена. Работа позволила отследить переход практики от жесткого формализма до гибкой системы оценки нарушений. Действующая практика не содержит четких критериев

оценки существенности нарушений, что создает правовую неопределенность и не позволяет предугадать результат судебного усмотрения. Методология научной статьи основана на историко-правовом методе, сравнительно-правовом анализе, качественном контент-анализе. Автором предложено посредством Постановления Пленума ВС России закрепить классификацию критериев существенности нарушений, что также отражает новизну исследования. Такая система, по мнению автора, остановит «покровительство стороне обвинения»: судьи перестанут закрывать глаза на нарушения следствия, а обвиняемые получают предсказуемые гарантии. Чтобы идея заработала, нужно закрепить правила в новом постановлении Пленума, что станет мостом между теорией закона и судебной реальностью. Результаты исследования следует рассматривать как инструмент для реформы, что позволит достичь баланса между формализмом и объективной истиной. Дуализм между конституционным запретом и судебной практикой ставит под угрозу верховенство права, трансформируя процессуальные гарантии в инструмент гибкого обвинения. Для преодоления этих противоречий необходима систематизация нарушений через законодательное закрепление иерархического каталога, дифференцирующего их значимость.

Ключевые слова:

конституционный запрет, доказательства, уголовное судопроизводство, доказывание, исключение, допустимость, существенные нарушения, добросовестное нарушение, классификация, уголовный процесс

Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, является краеугольным камнем гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Однако его практическая реализация сталкивается с системными противоречиями, обусловленными коллизией между необходимостью обеспечения законности и стремлением к установлению материальной истины. Верховный Суд Российской Федерации, выступая в роли интерпретатора конституционных норм в судебных актах, иногда демонстрирует непоследовательность в оценке допустимости доказательств, что порождает дискуссии о пределах судебного усмотрения. Цель статьи — выявить ключевые проблемы применения конституционного запрета в практике Верховного Суда Российской Федерации и предложить модель его унификации, основанную на балансе между правами обвиняемого и публичными интересами. Методология статьи основана на историко-правовом подходе, сравнительно-правовом анализе, контент-анализе. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию подходов Верховного Суда РФ, выделив три ключевых периода. Сравнительно-правовой анализ использован для сопоставления норм Конституции РФ, УПК РФ и их интерпретаций в судебной практике, что выявило правовые коллизии. Качественный контент-анализ применен для систематизации терминов («существенность нарушения», «добросовестное нарушение»). В совокупности эти методы обеспечили комплексное исследование проблемы, сочетающее ретроспективу, анализ действующих норм и прогностические предложения по введению классификации. Новизна настоящего исследования заключается в предложении классификации критериев существенности нарушений, как оснований для признания доказательств недопустимыми на базе изменения практики Верховного Суда России в рамках выделенных периодов.

Как установлено частью 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации и статьей 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, доказательная база,

сформированная с нарушениями требований федерального законодательства, не может быть признана допустимой в судопроизводстве. Эти правовые положения, зафиксированные в указанных нормативных актах, объединяются в юридической доктрине под обобщающим понятием «конституционная недопустимость противоправно полученных доказательств».

Мотивы введения запрета на использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона заложены в практике применения насилия, пыток и иного жестокого обращения, что нарушало конституционные права на личную неприкосновенность и достоинство личности, как указывали О. Н. Надоненко [\[1, с. 20 - 24.\]](#), В. И. Качалов, О. В. Качалова, Е. В. Марковичева [\[2, с. 23\]](#), Е. Б. Мизулина [\[3\]](#).

«Период формальной законности» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств

Институт запрета на использование незаконно приобретенных доказательств вошел в правовую систему России одновременно с принятием базовых редакций как Основного закона страны, так и уголовно-процессуальных норм. Примечательно, что суть данных правовых положений сохранилась без редакционных изменений с момента их первоначального закрепления. Однако за годы правоприменительной деятельности интерпретация и реализация конституционного принципа недопустимости полученных с нарушением доказательств подверглись серьезной трансформации. Судебная практика демонстрирует эволюционный подход к трактовке этих норм, отражающий изменение представлений о процессуальной справедливости и балансе интересов сторон судопроизводства.

Буквальное толкование запрета заключается в том, что любое нарушение закона влечет невозможность использования доказательства. В 1995 году Верховный Суд Российской Федерации ограничил нарушения, которые могут служить препятствием для использования их в качестве доказательства. Согласно пункту 16 Постановления Пленума ВС РФ №8 от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при отправлении правосудия», к основаниям для признания доказательств недопустимыми относятся:

1. несоблюдение конституционных гарантий прав и свобод личности;
- 2 . процедурные нарушения при формировании доказательной базы в уголовном процессе;
- 3 . получение доказательств лицами или инстанциями, не обладающими соответствующими полномочиями, либо с применением методов, не регламентированных процессуальными нормами.

Указанные формулировки носили универсальный характер, что, в соответствии с буквальным толкованием высшей судебной инстанции, позволяло отсеивать доказательства при любых отклонениях от законодательных требований, включая даже формальные процессуальные погрешности. При этом законодатель не предусматривал каких-либо ограничительных рамок в отношении степени или характера выявленных нарушений. Подобная трактовка создавала прецедент для максимально строгого подхода к оценке законности источников доказательств в судебной практике.

В правовой доктрине и практике данный подход был принят двойственно. С одной стороны ученые признают, что требуется неукоснительное соблюдение закона, т.к. в

противном случае могут быть получены и использованы любые доказательства, которые противоречат самой сути закона (А. Шурыгин [4], В. В. Казначейский [5, с. 26-30]), а его нарушение должно повлечь за собой негативное последствие – исключение доказательства, с другой стороны исключение доказательства по причине, не являющейся значимой, может повлечь за собой несправедливое освобождение виновного лица от уголовной ответственности, чего нельзя допускать (Л. Н. Масленникова [6], Н. Гаспарян [7]). Дискуссия имеет актуальность по настоящий момент.

На рубеже смены веков суды активно исключали доказательства по формальным основаниям [7], что влекло за собой массовое вынесение оправдательных приговоров, что не соответствовало целям уголовного закона, и вероятно, повлекло за собой изменение практики Верховного Суда Российской Федерации. До 2004 года можно рассматривать практику Верховного Суда Российской Федерации как «Период формальной законности». Официальные мнения и подходы не излагались, что влекло за собой безусловное соблюдение конституционного запрета на использование доказательств, полученных с нарушением закона. Однако «Период формальной законности» затянулся и породил практику, которая не устраивала Верховный Суд Российской Федерации, о чем с 2004 по 2017 года указывалось в судебных актах по конкретным делам. Обозначенный временной промежуток можно назвать «Период изменчивости», т.к. мнение высшего суда менялось в процессе рассмотрения конкретных нарушений, но еще не приняло окончательной формы.

«Период изменчивости» в отношении оценки нарушений, полученных при собрании доказательств

Отправной точкой рассматриваемого этапа стало издание Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1, где высшая судебная инстанция впервые закрепила обязанность судов устанавливать конкретные формы проявления выявленных нарушений при оценке допустимости доказательств. Однако суд не указывал с какой целью необходимо выяснять существо нарушения, что фактически принималось как формальное требование к мотивированной части судебного акта. Позднее Верховный Суд Российской Федерации более четко стал излагать свой подход.

В рамках кассационного производства (Определение Верховного Суда РФ № 59-009-26 от 19.08.2009) высшая судебная инстанция указала на процессуальный пробел: представленное доказательство было получено до официального возбуждения уголовного дела, что исключило возможность законного изъятия предмета по правилам ст. 183 УПК РФ. Суд акцентировал, что в такой ситуации следователь не обладал законными основаниями для проведения выемки, поскольку процессуальные действия в досудебной стадии строго ограничены рамками законодательства. Таким образом, не оспаривая наличие формального нарушения закона доказательство все равно было признано допустимым, что фактически противоречило конституционному запрету и ранее вынесенному Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Далее практика развивалась в том же направлении.

Согласно Апелляционному Определению от 07.11.2014 № 23-АПУ14-10 Верховный Суд Российской Федерации указал, что «отсутствие ... подписи ... понятий на пакетах с изъятиями ...» не влечет признание исключения протокола осмотра места происшествия. Демонстрируемые примеры являлись актами по конкретным уголовным делам, что не давало судам свободу заимствования опыта и признания допустимыми доказательств,

полученных с несущественными нарушениями закона.

**«Период объективной истины» в отношении оценки нарушений, полученных при
собрании доказательств**

Только Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» изменило практику окончательно. В указанном акте содержалась норма о том, что не любые нарушения закона препятствуют использованию доказательства, а только «существенные». Также нарушения не любого закона, а только уголовно-процессуального являются препятствием для использования доказательства.

При этом, критерии существенных нарушений не раскрывались, что привело к большей проблеме в практике применения ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ранее суды должны были исключать все доказательства, нарушающие закон, что в большей степени соответствовало интересам обвиняемого, тогда как с 19.12.2017 года начался «Период объективной истины», в котором суды определяют существенность нарушения, что соответствует в большей степени публичным интересам в ущерб обвиняемому.

В правовой доктрине часть ученых придерживается формального подхода о необходимости исключения доказательств независимо от существенности нарушения исходя из прямого указания закона. Например, Т. Ю. Вилкова, Т. Ю. Максимова, А. А. Ничипоренко [\[8, с. 132-141\]](#) считают, что с учетом того, что критерии существенности отсутствуют, любые доказательства, в отношении которых есть сомнения на предмет того, является ли нарушение существенным, должны быть исключены, что соответствует прямому указанию закона. В. С. Балакшин [\[9, с. 24-33\]](#), не акцентируя внимание на позиции Верховного Суда Российской Федерации указывает, что действующая редакция статья 75 является несовершенной и требует доработки, т.к. признание доказательств недопустимыми должно исходить только из нормы закона, а не разъяснений высшего суда. Другая часть поддерживает действующую позицию Верховного Суда Российской Федерации и считает, что исключать необходимо лишь доказательства, не соответствующие отдельным положениям закона, что требует уточнения критериев существенности. Так, А. В. Смирнов [\[10, с. 20-23\]](#), расширяет позицию Верховного Суда Российской Федерации, указывая что в качестве существенного следует рассматривать те нарушения, которые противоречат не только формальным критериям, но также затрагивают материальные критерии, а значит приобретают «фатальный характер». А. Е. Ситников [\[11\]](#) подчеркивая проблему отсутствия критериев существенности предлагает их уточнить посредством привязки к нарушению уголовно-процессуальных прав участников уголовного процесса, принципов уголовного процесса, а также требованиям к формам процессуальных документов. Схожей позиции придерживаются А. С. Есина, М. А. Чиковани [\[12\]](#), дополнительно указывая, что существенным нарушением также является собирание доказательства ненадлежащим субъектом. В. Н. Исаенко, Ю. Я. Власов [\[13, с. 59-65\]](#) считают законодательную норму ст. 75 уголовно-процессуального закона несовершенной, положительно оценивают разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, указывая, что они даже в несовершенной форме более конкретны, чем нормы закона.

Однако конкретизация критериев существенности нарушений в настоящий момент не разработана. Ученые также не сходятся в едином мнении о том, какие нарушения следует признавать основанием для исключения доказательств, что говорит о

недостаточной степени изученности рассматриваемого вопроса.

В связи с чем на настоящий момент в российской доктрине сохраняется дуализм подходов. С одной стороны, формальный запрет не допускает исключений, с другой — практика Верховного Суда Российской Федерации предусматривает возможность сохранения доказательной силы при «незначительных» нарушениях. Эта дихотомия создает правовую неопределенность. При этом суды обязаны следовать подходу Верховного Суда Российской Федерации, т.к. их решение об исключении доказательства по формальному нарушению в любом случае может быть отменено высшим судом.

Сам по себе подход к исключению доказательств при наличии только существенного нарушения верен, т.к. нельзя любое нарушение использовать как оправдание, если объективно установлена виновность достоверными данными. Но возложение на суды обязанности по оценке существенности доказательств является опрометчивым и порождает де-факто «принцип добросовестного нарушения» для правоохранительных органов, что не отвечает принципу законности.

Названный нами «принцип добросовестного нарушения» представляет собой сложившийся в судебной практике неформальный подход, основанный на праве судей самостоятельно определять степень значимости процессуальных нарушений, допущенных при формировании доказательств. Суть этой концепции состоит в следующем: даже при выявлении отступлений от правовых норм в ходе следственных действий, полученные материалы могут сохранить юридическую значимость, если суд квалифицирует нарушения как «несущественные» или «недобровольные» (то есть совершенные без умысла и не повлекшие искажения информации).

Таким образом, правоприменители, допустившие формальные упущения, получают возможность использовать такие доказательства в процессе, если судебная инстанция сочтет, что ошибка возникла вследствие объективных обстоятельств, а не системного пренебрежения законом. Данная доктрина, не будучи прямо закрепленной в законодательстве, фактически смягчает действие запрета на использование материалов, полученных с нарушениями, вводя критерий «разумной допустимости» процессуальных погрешностей.

Названная доктрина ослабляет защиту прав обвиняемого, так как суды, стремясь обеспечить обвинительный приговор, склонны оправдывать нарушения, допущенные следствием. Например, доказательства, полученные при незаконном обыске, могут быть сохранены, если суд посчитает, что они «достоверны». Это противоречит принципу законности, требующему неукоснительного соблюдения процедурных гарантий.

Отсутствие четких границ между «существенными» и «незначительными» нарушениями создаёт стимул для следствия игнорировать процессуальные нормы, рассчитывая на «лояльность» суда. Например, несоблюдение права на защиту может быть оправдано ссылкой на «добросовестное нарушение» следователя.

Таким образом, «принцип добросовестного нарушения» трансформирует процессуальные гарантии в инструмент гибкого правоприменения, где интересы обвинения превалируют над защитой конституционных прав личности. Это ставит под вопрос реализацию ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

Для преодоления существующей правовой неопределенности целесообразно систематизировать нарушения, влияющие на допустимость доказательств, через создание и законодательное закрепление иерархического перечня. Такой каталог

должен четко дифференцировать степень существенности нарушений, основываясь на их связи с охраняемыми правовыми ценностями, и предусматривать соответствующие процессуальные последствия. Поскольку запрет на использование недопустимых доказательств вытекает из конституционных принципов, классификация нарушений должна отражать их значимость в контексте защиты прав человека, закрепленных как национальным, так и международным правом.

Предлагается закрепление следующего каталога существенности нарушений в рамках конституционного запрета на использование доказательств, полученных с нарушением закона:

1. Нарушение конституционных прав и свобод. Данная категория должна влечь безусловное признание доказательств недопустимыми, поскольку Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой (ст. 15), а ее нормы гарантируют фундаментальные права личности (например, право на неприкосновенность жилища — ст. 25). Игнорирование этих гарантий подрывает легитимность всего процесса, даже при установленной виновности. Пример: доказательства, полученные через обыск без судебного решения, автоматически теряют силу, так как нарушают положения ст. 25. Это обеспечивает соблюдение верховенства права и предотвращает злоупотребления со стороны правоохранительных органов.
2. Нарушение международных норм в сфере прав человека. Международные акты интегрированы в российскую правовую систему (ст. 15 Конституции Российской Федерации), однако их применение часто требует интерпретации с учетом национального контекста. Например, нарушение сроков уведомления о задержании, предусмотренных международными стандартами, может быть признано несущественным, если не повлияло на справедливость судопроизводства. Однако систематическое игнорирование таких норм (например, пытки) должно однозначно исключать доказательства.
3. Процедурные нарушения. Ошибки в процессуальных действиях (например, несоблюдение порядка допроса по ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) не всегда фатальны. Их существенность должна оцениваться через призму влияния на достоверность доказательств и права участников процесса. Так, отсутствие подписи понятого в протоколе обыска может быть признано несущественным, если подлинность доказательств подтверждена иными способами. Однако если нарушение исказило смысл доказательства (например, отсутствие допуска лица в качестве специалиста с соблюдением норм закона), оно подлежит исключению. Данный критерий балансирует между строгостью процедуры и эффективностью правосудия.
4. Нарушение иных норм закона. К данной категории относятся нарушения, не затрагивающие напрямую права обвиняемого или процедуру доказывания (например, технические ошибки в документах). Они признаются существенными лишь в исключительных случаях, когда создают риски судебной ошибки. Например, опечатка в постановлении о возбуждении дела, не препятствующая его идентификации, не влечет исключения доказательств. Однако нарушения процессуального закона, ведущие к утрате доказательства, должны признаваться существенными. Это обеспечивает гибкость, предотвращая формализм.

Динамика правоприменения и эволюция правовых стандартов требуют, чтобы каталог оставался открытым. Это позволит включать новые виды нарушений, выявленные в практике, без частого изменения закона. Например, развитие цифровых технологий

может потребовать дополнения каталога нормами о незаконном сборе цифровых данных. При этом окончательная оценка существенности должна оставаться за судом, что соответствует принципу независимости судебной власти (ст. 120 Конституции Российской Федерации). Такой подход минимизирует риски «добросовестных ошибок» правоохранителей, сохраняя баланс между защитой прав и эффективностью уголовного преследования.

Предлагаемый каталог следует ввести действие в очередном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что будет последовательным и логичным завершением «Периода объективной истины» и позволит перейти в «Сбалансированный период», который будет объединять в равной степени публичные интересы и права обвиняемого.

Практика Верховного Суда РФ в сфере применения конституционного запрета демонстрирует необходимость поиска баланса между формализмом и гибкостью. Предложенные меры — стандартизация критериев существенности нарушения — способны усилить уголовно-процессуальное законодательство за счет формирования правовой определенности при реализации конституционного запрета на использование доказательств, полученных с нарушением закона.

Текущее недостаточное внимание к правоприменению ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации приводит к различиям в судебной практике и нарушению баланса прав обвиняемых и публичных интересов.

Выводы

Таким образом, эволюция подходов к допустимости доказательств в российском уголовном процессе отражает глубокий конфликт между формальными гарантиями законности и прагматикой правоприменения. Введение «периода объективной истины» в 2017 году, закреплённого Постановлением Пленума ВС РФ № 51, сместило акцент с безусловного исключения нарушающих закон доказательств на оценку их существенности. Это породило «Принцип добросовестного нарушения», позволяющего сохранять доказательную силу материалов, полученных с процессуальными нарушениями, если суд обозначит их как незначительные. Однако отсутствие чётких критериев существенности привело к правовой неопределённости, ослаблению защиты прав обвиняемого и рискам злоупотреблений со стороны следствия. Дуализм между конституционным запретом и судебной практикой ставит под угрозу верховенство права, трансформируя процессуальные гарантии в инструмент гибкого обвинения.

Для преодоления этих противоречий необходима систематизация нарушений через законодательное закрепление иерархического каталога, дифференцирующего их значимость. Предложенная классификация, основанная на приоритете конституционных прав, международных стандартов, уголовно-процессуального законодательства и технических ошибок, позволит устранить субъективизм в оценке доказательств. Открытый характер каталога, допускающий включение новых видов нарушений (например, связанных с цифровыми технологиями), обеспечит адаптацию к динамике правоприменения. Такой подход восстановит баланс между защитой личности и эффективностью уголовного преследования, минимизировав риски «добросовестных ошибок» и вернув процессуальным нормам роль гаранта справедливости, а не формальности.

Библиография

1. Надоненко О.Н. Формирование экспертной комиссии-еще одна "канцелярская ошибка" или недопустимое доказательство // Администратор суда. – 2023. – № 3. – С. 20-24.
2. Качалов В.И., Качалова О.В., Марковичева Е.В. Рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2023. – 96 с.
3. Мизулина Е.Б. Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20 декабря 2016 года // <http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf> (дата обращения: 20.02/2025)
4. Шыругин А. Защита в судопроизводстве с участием коллегии присяжных заседателей // Российская юстиция. – №№ 8, 9. 1997.
5. Казначейский В.В. Показания понятого, существующие проблемы реализации конституционного права не свидетельствовать против себя // Российский судья. 2023. – № 10. – С. 26-30.
6. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др.; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. 448 с.
7. Гаспарян Н. Негативная практика обрела правовой фундамент в Постановлении Пленума ВС РФ (начало) // Адвокатская газета. – 2018. – <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pochemu-dopustimy-nedopustimye-dokazatelstva/> (дата обращения: 08.03.2024) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95610/ (дата обращения: 20.02.2025)
8. Вилкова Т.Ю., Максимова Т.Ю., Ничипоренко А.А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 12. – С. 132-141.
9. Балахшин В.С. К вопросу о не предусмотренных в статье 75 УПК РФ основаниях признания доказательств недопустимыми // Российская юстиция. – 2024. – № 5. – С. 24-33.
10. Смирнов А.В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. – № 3. – С. 20-23.
11. Ситников А. Е. Критерии признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник науки. – 2023. – № 3 (60).
12. Есина А. С., Чиковани М. А. К вопросу об оценке доказательств на наличие свойства допустимости в ходе предварительного расследования // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 3.
13. Исаенко В.Н., Власов Ю.Я. Судебная практика в информационно-аналитическом обеспечении прокурорского надзора за исполнением требований закона о допустимости доказательств // Уголовное право. – 2023. – № 2. – С. 59-65.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методология работы основана на изучении актов Верховного Суда России, при использовании методов анализа и сравнительно-правового метода". Методология работы нуждается в уточнении - использование сравнительно-правового метода из статьи не усматривается, поскольку зарубежное законодательство автором не анализируется.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, является краеугольным камнем гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Однако его практическая реализация сталкивается с системными противоречиями, обусловленными коллизией между необходимостью обеспечения законности и стремлением к установлению материальной истины. Верховный Суд Российской Федерации, выступая в роли интерпретатора конституционных норм в судебных актах, иногда демонстрирует непоследовательность в оценке допустимости доказательств, что порождает дискуссии о пределах судейского усмотрения. Цель статьи — выявить ключевые проблемы применения конституционного запрета в практике Верховного Суда Российской Федерации и предложить модель его унификации, основанную на балансе между правами обвиняемого и публичными интересами". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В связи с чем на настоящий момент в российской доктрине сохраняется дуализм подходов. С одной стороны, формальный запрет не допускает исключений, с другой — практика Верховного Суда Российской Федерации предусматривает возможность сохранения доказательной силы при «незначительных» нарушениях. Эта дихотомия создает правовую неопределенность. При этом суды обязаны следовать подходу Верховного Суда Российской Федерации, т.к. их решение об исключении доказательства по формальному нарушению в любом случае может быть отменено высшим судом. Сам по себе подход к исключению доказательств при наличии только существенного нарушения верен, т.к. нельзя любое нарушение использовать как оправдание, если объективно установлена виновность достоверными данными. Но возложение на суды обязанности по оценке существенности доказательств является опрометчивым и порождает де-факто «принцип добросовестного нарушения» для правоохранительных органов, что не отвечает принципу законности"; "Отсутствие чётких границ между «существенными» и «незначительными» нарушениями создаёт стимул для следствия игнорировать процессуальные нормы, рассчитывая на «лояльность» суда. Например, несоблюдение права на защиту может быть оправдано ссылкой на «добросовестное нарушения» следователя.

Таким образом, «принцип добросовестного нарушения» трансформирует процессуальные гарантии в инструмент гибкого правоприменения, где интересы обвинения преобладают над защитой конституционных прав личности. Это ставит под вопрос реализацию ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации. Для преодоления существующей правовой неопределенности целесообразно систематизировать нарушения, влияющие на допустимость доказательств, через создание и законодательное закрепление иерархического перечня. Такой каталог должен четко дифференцировать степень существенности нарушений, основываясь на их связи с охраняемыми правовыми ценностями, и предусматривать соответствующие процессуальные последствия. Поскольку запрет на использование недопустимых доказательств вытекает из конституционных принципов, классификация нарушений должна отражать их значимость в контексте защиты прав человека, закрепленных как национальным, так и

международным правом" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из трех разделов: "«Период формальной законности» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств"; "«Период изменчивости» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств"; "«Период объективной истины» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 7 источниками (монографией, научными статьями, научно-практическим пособием). С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10. Следовательно, теоретическая база работы нуждается в расширении.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. Шурыгин, В. В. Казначейский), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы должным образом и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, эволюция подходов к допустимости доказательств в российском уголовном процессе отражает глубокий конфликт между формальными гарантиями законности и прагматикой правоприменения. Введение «периода объективной истины» в 2017 году, закреплённого Постановлением Пленума ВС РФ № 51, сместило акцент с безусловного исключения нарушающих закон доказательств на оценку их существенности. Это породило «Принцип добросовестного нарушения», позволяющего сохранять доказательную силу материалов, полученных с процессуальными нарушениями, если суд обозначит их как незначительные. Однако отсутствие чётких критериев существенности привело к правовой неопределённости, ослаблению защиты прав обвиняемого и рискам злоупотреблений со стороны следствия. Дуализм между конституционным запретом и судебной практикой ставит под угрозу верховенство права, трансформируя процессуальные гарантии в инструмент гибкого обвинения. Для преодоления этих противоречий необходима систематизация нарушений через законодательное закрепление иерархического каталога, дифференцирующего их значимость. Предложенная классификация, основанная на приоритете конституционных прав, международных стандартов, уголовно-процессуального законодательства и технических ошибок, позволит устранить субъективизм в оценке доказательств. Открытый характер каталога, допускающий включение новых видов нарушений (например, связанных с цифровыми технологиями), обеспечит адаптацию к динамике правоприменения. Такой подход восстановит баланс между защитой личности и эффективностью уголовного преследования, минимизировав риски «добросовестных ошибок» и вернув процессуальным нормам роль гаранта справедливости, а не формальности"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, уголовного процесса при условии ее доработки: уточнении методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), расширении теоретической базы работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования:

В представленной на рецензирование статье показано исследование проблемы использования в практике суда недопустимых доказательств, которые автор видит необходимым отразить в ретроспективном анализе позиций Верховного Суда РФ, влияющих на гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. Ситуация правовой неопределенности используется участниками процесса, не заинтересованными в объективном расследовании и разрешении уголовных дел. Заслуживает поддержки довод автора о том, что исследуемый вопрос в практике «сталкивается с системными противоречиями, обусловленными коллизией между необходимостью обеспечения законности и стремлением к установлению материальной истины». И в этом аспекте действительно есть некоторая обоснованность автора «проследить эволюцию подходов Верховного Суда РФ» для современного анализа и формулирования выводов о потенциальных изменениях и их закреплении в теории и практике.

Однако содержание исследования не сочетается с названием. Из названия не видится перспектив вывода по научной проблематике. В своем названии «Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации» автор показывает читателю, что запрет имеется, однако содержание исследования автора не охватывает всего комплекса имеющегося конституционного запрета (например, нет теоретического понятия, его места и роли в науке в целом и пр.) Статья автора скорее направлена на исследование правовой неопределенности или возникшего дисбаланса в связи с изменением позиций Верховного Суда РФ. Содержание больше характеризуется ретроспективным анализом и практикой применения использования доказательств в связи изменения понимания при использовании в судебной практике конституционного запрета в интересах либо публичной власти, либо обвиняемого. Здесь речь идет больше о поиске преодоления проблем баланса интересов частного и публичного.

Методология исследования:

Автором статьи верно определены методы – исследование основано «историко-правовом подходе, сравнительно-правовом анализе, контент-анализе». В ходе исследования автор логично выстраивает мысль, опираясь на правовую доктрину и практику Верховного Суда РФ. Выводы сформулированы четко и на основании изложенных фактологических данных. В работе отсутствует разрывы в общей идее автора показать влияние «Периодов изменчивости и объективной мысли» на выводы по поводу «эволюции подходов к допустимости доказательств в российском уголовном процессе, которая отражает глубокий конфликт между формальными гарантиями законности и прагматикой правоприменения». Мысль изложена ясно и четко, содержание части описательной в исследовании соотносится с выводами.

Актуальность тематики

заслуживает внимания исследователей, поскольку смена политического курса страны, трансформация социальных приоритетов заметно повысили статус этой проблематики. Запрет на использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушениями федерального закона, был установлен Конституцией РФ. Таким образом, проблема недопустимых доказательств из разряда отраслевых переросла в статус

проблемы конституционного масштаба. Автор справедливо обращает внимание, что «конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, является краеугольным камнем гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве». Однако сам запрет служит средством конституционно-правового регулирования прав и свобод человека и гражданина в современной России. Именно поэтому заявленная автором тематика служит попыткой восполнить теоретические пробелы и устранить практические противоречия. И ее раскрытие в надлежащем аспекте должно стать фундаментальным и в то же время понятным для читателя.

Стилистика

в целом имеет юридический оттенок: представлен правовой и теоретический аппарат. Автор приводит доктринальные источники по теме исследования, излагает мысли четко и понятно не только для юриста-профессионала, но и в некотором смысле на обывателя – читателя. В тексте имеются необходимые оформления и сноски, приводится список литературы. Текст заслуживает внимания с точки зрения авторской мысли, проявлен индивидуальный стиль изложения с исключением «штампованных» фраз, одновременно имеется признаки научного стиля изложения материала.

Библиография

представляется охваченной, автор обращается к правовым конструкциям, которые доказаны юридической наукой. Автор приводит дискуссии ученых (например, о существующем в правовой доктрине формального подхода к необходимости исключения доказательств независимо от существенности нарушения исходя из прямого указания закона и др.) Теоретической базой исследования послужили фундаментальные разработки отечественных ученых в сфере правовой науки

Выводы, интерес читательской аудитории.

Работа представляет собой исследование теоретико-правовой основы, отражающей лишь некоторые вопросы темы исследования (заявленная автором тема слишком широкая в сравнении с содержанием), новизна вполне обоснована, имеющиеся выводы в конце подходят к теме исследования. Однако широта заявленной темы не портит положительную оценку работы автора о ретроспективе исследуемой темы, применения автором терминологического аппарата и понятийного содержания темы исследования. В представленном виде работа автора окажется интересной читателям.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Новиков П.А. Совершенствования механизма защиты специальной категории персональных данных // Право и политика. 2025. № 2. С.65-77. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73265 EDN: DITQXW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73265

Совершенствования механизма защиты специальной категории персональных данных

Новиков Петр Александрович

ORCID: 0009-0009-5133-811X

аспирант; ЧОУ ВО "Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики"

190020, Россия, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр-т, д.44, Лит.А

✉ petnovikov.81@mail.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.2.73265

EDN:

DITQXW

Дата направления статьи в редакцию:

06-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: С постоянным ростом цифровизации и использовании всевозможных электронных платформ, любые данные оставляют за собой следы информации, которые касаются как общедоступных, так и специальных категорий данных. В статье рассматриваются проблемы защиты специальных категорий персональных данных в условиях цифровизации и растущих угроз безопасности информации. Анализируется нормативно-правовая база Российской Федерации, а также международные стандарты, такие как Общий регламент по защите данных, с целью выявления недостатков в защите данных высокой чувствительности, включающих сведения о здоровье, биометрии, политических и религиозных убеждениях. Предложен комплексный подход к совершенствованию механизма защиты этих данных, включающий технические и организационные меры, усиление правового регулирования, внедрение технологий

шифрования, анонимизации, биометрической аутентификации и системы оценки рисков. Описаны пути повышения роли Роскомнадзора в обеспечении безопасности данных, в том числе через расширение его полномочий и ужесточение ответственности за нарушения. Методы исследования направлены на целостное и интегративное понимание проблемы, поэтому в ходе исследования был проведен анализ нормативно-правовых актов и существующих механизмов защиты специальных категорий данных, исследование технологических аспектов, используемых для обеспечения безопасности, а также оценка потенциальных угроз и слабых мест в процессе их обработки. Научная новизна заключается в разработке и внедрении инновационных подходов и технологий, которые обеспечивают более высокий уровень безопасности и конфиденциальности специфической информации, относящейся к личной жизни граждан. В условиях стремительного развития цифровых технологий и увеличения объемов обрабатываемых данных, защита персональных данных становится критически важной задачей для предотвращения неправомерного доступа, использования и распространения информации. Одним из ключевых аспектов научной новизны является адаптация существующих правовых норм к современным технологическим вызовам, что включает в себя разработку новых методов идентификации и аутентификации пользователей. Выводы исследования направлены на разработку рекомендаций для улучшения защиты конфиденциальной информации, способствующих адаптации национального законодательства к международным требованиям и эффективному противодействию угрозам безопасности в сфере персональных данных.

Ключевые слова:

персональные данные, специальная категория данных, шифрование данных, биометрическая аутентификация, правовое регулирование, анонимизация данных, конфиденциальная информация, информационная безопасность, кибербезопасность, технологии защиты данных

Специальные категории персональных данных в Российской Федерации включают сведения, которые требуют повышенной защиты ввиду их чувствительности и возможного риска для прав и свобод граждан при неправомерном использовании [\[1\]](#). В соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» (ФЗ - №152), к таким данным относятся информация о расовой и национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных и философских убеждениях, состоянии здоровья, а также личные данные, связанные с интимной жизнью граждан [\[2\]](#). Поскольку обработка этих данных сопряжена с высокими требованиями безопасности, их сбор, хранение и обработка допускаются только при соблюдении специальных условий, таких как наличие письменного согласия субъекта данных или правовые основания, установленные законодательством.

Актуальность совершенствования механизмов защиты этих данных обусловлена быстрым развитием технологий, ростом объёма обрабатываемых данных и необходимостью приведения национальных стандартов в соответствие с международными требованиями, такими как Общий регламент по защите данных (GDPR) [\[3\]](#). Эти факторы создают новые вызовы для правового регулирования, технической защиты и организационных мер, что требует комплексного подхода к обеспечению безопасности [\[4\]](#).

Цель настоящей статьи — анализ существующих правовых, технических и

организационных методов защиты специальных категорий персональных данных и разработка рекомендаций по их совершенствованию. Основные направления включают:

1. Усиление правового регулирования: обновление законодательства, расширение полномочий надзорных органов и введение дополнительных мер ответственности для улучшения контроля и защиты [\[5\]](#).
2. Применение современных технологий: внедрение шифрования, анонимизации, псевдонимизации, а также биометрической аутентификации для ограничения несанкционированного доступа [\[6\]](#).
3. Организационные меры и обучение персонала: разработка стандартов работы с данными, регулярное обучение сотрудников, работающих с чувствительной информацией [\[7\]](#).
4. Повышение осведомленности субъектов данных: информирование граждан о правах и механизмах защиты персональных данных, что повышает уровень правовой и информационной безопасности [\[8\]](#).
5. Развитие информационных систем и анализ рисков: регулярная оценка уязвимостей, моделирование инцидентов кибербезопасности и внедрение протоколов реагирования на угрозы [\[9\]](#).

Ужесточение ответственности за нарушения в обработке и хранении данных специальной категории представляет собой одно из ключевых направлений для повышения уровня защищенности персональных данных в Российской Федерации. Специальные категории персональных данных включают в себя особо чувствительную информацию, такую как расовая и этническая принадлежность, политические взгляды, религиозные убеждения, состояние здоровья и аспекты интимной жизни. В целях минимизации рисков несанкционированного доступа и утечек информации необходимо внедрить более строгие меры как административной, так и уголовной ответственности, что повысит уровень соблюдения нормативных требований и будет способствовать усилению правовой защиты.

В рамках административной ответственности целесообразно дифференцировать наказания в зависимости от характера и степени нарушения. К примеру, компании, допустившие утечку данных, могут быть подвергнуты крупным штрафам, рассчитываемым на основе их годового оборота, что будет стимулировать бизнес к внедрению более строгих стандартов безопасности. Кроме того, предлагается ввести фиксированные штрафы за несоблюдение обязательных процедур обработки данных, таких как регулярные аудиты, защита каналов передачи, шифрование и контроль доступа. Подобные меры позволят обеспечить постоянный мониторинг и контроль за состоянием защищенности информационных систем, что особенно важно для предотвращения повторных инцидентов.

Серьезные нарушения, такие как систематическое пренебрежение требованиями законодательства, могут стать основанием для введения временных или постоянных ограничений на обработку персональных данных. Например, Роскомнадзор может применять меры временного приостановления деятельности компаний, неоднократно допустивших утечки данных, до тех пор, пока организация не устранил выявленные недостатки. Также предусматривается возможность проведения обязательного аудита со стороны надзорного органа, что позволит систематизировать и контролировать

внедрение необходимых мер защиты.

Помимо административных мер, важно усилить уголовную ответственность за неправомерные действия с персональными данными. Введение новых составов преступлений, связанных с несанкционированным доступом к специальным категориям данных, позволит правоохранительным органам эффективно бороться с попытками неправомерного использования личной информации. Так, умышленные нарушения, такие как продажа данных третьим лицам, могут караться лишением свободы, а серьезная халатность, приведшая к утечке информации, — принудительными работами или штрафами для должностных лиц. Для лиц, неоднократно нарушающих закон, возможно введение запрета на занятие должностей, связанных с обработкой данных, на срок до 10 лет, что существенно ограничит их доступ к информации.

Для юридических лиц, допустивших крупные утечки данных, могут быть предусмотрены дополнительные меры ответственности, такие как конфискация имущества в пользу государства или компенсационного фонда, направленного на поддержку пострадавших от утечки данных. В случаях систематических и многократных нарушений возможно принудительное прекращение деятельности компании через судебное решение, что позволит предотвратить дальнейшие нарушения прав субъектов данных и усилить превентивный эффект законодательства [\[10\]](#).

Одновременно с ужесточением мер ответственности необходимо расширить полномочия надзорных органов, таких как Роскомнадзор, в области контроля за соблюдением требований по защите данных. В частности, это включает в себя возможность проведения внеплановых проверок у организаций, которые были ранее замечены в нарушениях. Для повышения уровня контроля также предлагается ужесточить требования к хранению документации, связанной с обработкой данных, сроком не менее пяти лет. Это позволит более эффективно осуществлять проверки на соответствие требованиям законодательства и отслеживать историю обработки данных, что будет способствовать повышению прозрачности процессов.

Особое внимание необходимо уделить правам самих субъектов данных. Введение компенсаций для пострадавших от утечек данных за счет специального фонда, формируемого из административных штрафов, повысит уровень социальной ответственности и поможет пострадавшим гражданам компенсировать моральный ущерб. Кроме того, расширение прав субъектов данных на исковые требования, включая возможность подачи коллективных исков в случаях массовых утечек, усилит их правовую защиту и станет дополнительным стимулом для компаний соблюдать требования информационной безопасности.

Таким образом, предлагаемые меры по усилению ответственности за нарушения в сфере защиты специальных категорий персональных данных представляют собой комплексный подход, включающий административные и уголовные санкции, расширение прав субъектов данных и усиление надзорных функций государственных органов. Реализация этих мер позволит значительно снизить риски неправомерного обращения с персональными данными, повысит уровень защиты прав граждан и создаст более устойчивую и надежную систему обеспечения информационной безопасности [\[11\]](#).

Для повышения защиты специальных категорий персональных данных в России необходимо значительно расширить полномочия Роскомнадзора в сфере контроля и аудита. Специальные категории данных включают чувствительную информацию, такую как сведения о здоровье, политические и религиозные убеждения, которые требуют

повышенной степени защиты. Роскомнадзор, являясь основным органом, ответственным за соблюдение норм в этой области, должен получить дополнительные возможности для обеспечения безопасности этих данных.

Во-первых, расширение полномочий Роскомнадзора по проведению проверок и аудитов станет важным шагом к усилению контроля над соблюдением требований. Введение регулярных плановых проверок для всех организаций, работающих со специальными категориями данных, позволит создать систематизированный подход к контролю. Основными критериями для плановых проверок могут быть размер компании, объем обрабатываемых данных и уровень потенциального риска. Одновременно Роскомнадзор должен получить право на проведение внеплановых проверок при получении жалоб от субъектов данных или информации от других госорганов о возможных нарушениях, что обеспечит гибкость и оперативность реагирования на угрозы.

Во-вторых, важным направлением усиления деятельности Роскомнадзора является модернизация инструментов и технологий для проведения проверок. Современные аналитические системы и технологии искусственного интеллекта могут применяться для автоматического мониторинга деятельности организаций, что позволит эффективно выявлять отклонения в обработке данных и минимизировать необходимость выездных проверок. Создание автоматизированных систем мониторинга также может включать обработку жалоб субъектов данных и анализ отчетности компаний. Интеграция с базами данных других государственных органов, таких как МВД, ФНС и ФСБ, позволит Роскомнадзору оперативно координировать действия с целью быстрого и полного выявления и пресечения нарушений.

Также для успешного выполнения функций Роскомнадзору требуется повышение финансирования и кадровой обеспеченности. Значительные инвестиции в техническую базу — закупка серверного оборудования, лицензий на аналитические программы и средств автоматизированного контроля — помогут создать условия для эффективного контроля [\[12\]](#). Также важно выделить финансирование на образовательные программы в области кибербезопасности, что обеспечит высокий уровень квалификации сотрудников, работающих с современными угрозами. Расширение штата Роскомнадзора, особенно в регионах, позволит обеспечить более плотное покрытие территорий и оперативное реагирование на инциденты. Регулярное обучение специалистов новым методам аудита, анализа систем безопасности и выявления уязвимостей будет способствовать повышению качества контроля и предотвращению утечек.

Помимо усиления контроля и повышения квалификации сотрудников, крайне важно повысить уровень прозрачности деятельности Роскомнадзора. Публикация ежеквартальных и ежегодных отчетов о результатах проверок и выявленных нарушениях позволит гражданам и организациям оценить уровень соблюдения норм безопасности различными компаниями. Информация об инцидентах, связанных с утечкой данных, и предпринятых мерах также будет способствовать повышению доверия со стороны общества.

Кроме того, Роскомнадзор должен информировать субъектов данных о любых инцидентах, связанных с утечкой их персональной информации, а также о возможных рисках и мерах защиты. Введение обязательного уведомления субъектов данных об инцидентах позволит им своевременно предпринимать меры для защиты своих прав. Создание горячей линии и онлайн-сервиса для жалоб также позволит гражданам оперативно сообщать о возможных нарушениях, что усилит обратную связь и сделает Роскомнадзор более доступным для граждан [\[13\]](#).

Приведение российского законодательства о защите персональных данных в соответствие с международными стандартами требует комплексного подхода, направленного на обеспечение более высокой защиты данных и упрощение условий для международного сотрудничества. Переход к новым стандартам позволяет учитывать современные вызовы и специфику цифровой среды, особенно при работе со специальными категориями персональных данных.

Одной из ключевых мер актуализации законодательства является уточнение условий обработки данных специальной категории. Необходимо законодательно закрепить цели, при которых возможна обработка таких данных, например, в случае защиты жизненно важных интересов субъекта или для соблюдения правовых требований. Обязательное получение явного согласия субъектов для обработки данных также должно быть частью этой нормы. Согласие должно оформляться в ясной и доступной форме, что позволит гражданам чётко понимать цели и типы обрабатываемых данных.

Закрепление и расширение прав субъектов данных также является приоритетом. В частности, важно закрепить право субъекта на доступ к информации о своих данных и условиях их обработки. Кроме того, прозрачность и доступность информации должны стать обязательными для операторов данных, что включает обеспечение понятного изложения целей и сроков обработки, а также прав субъектов. Ещё один важный элемент — это право на отказ от автоматизированных решений и профилирования, особенно если такие процессы могут серьёзно повлиять на интересы субъекта.

Не менее значимой частью реформы являются изменения в подходах к обработке данных. Здесь актуальным является внедрение обязательных процедур защиты данных, таких как оценка воздействия на защиту данных (DPIA) для операций с высоким уровнем риска. Назначение ответственного за защиту данных (DPO) также становится необходимым, особенно в крупных организациях, работающих с персональными данными. Это поможет централизовать и усилить контроль за соблюдением требований в области защиты информации [\[14\]](#).

Критическим аспектом является внедрение мер по реагированию на утечки данных. Компании должны быть обязаны уведомлять как надзорные органы, так и субъекта данных о фактах утечек, особенно если они могут угрожать правам и безопасности личности. Уведомление должно производиться незамедлительно, но не позднее 72 часов после инцидента. Также необходимо предусмотреть разработку протоколов реагирования на утечки, включая планы по восстановлению работы и минимизации возможного ущерба.

Повышение правовой культуры и осведомленности субъектов данных о своих правах должно стать важным элементом политики в области защиты данных. Создание образовательных ресурсов и проведение разъяснительных кампаний, инициированных Роскомнадзором, может повысить осведомлённость населения о правилах обработки данных [\[15\]](#). Дополнительное внимание также должно быть уделено поддержке малых и средних предприятий, которым можно предоставить консультации и обучающие программы, чтобы облегчить им соблюдение требований законодательства.

Внедрение современных технологий защиты данных является важнейшим компонентом в обеспечении безопасности информации, особенно для данных специальной категории. Одной из основных технологий защиты является обязательное шифрование, которое выполняет функцию защиты данных как при их передаче, так и при хранении,

минимизируя риски их несанкционированного доступа.

При передаче данных по сети шифрование end-to-end обеспечивает высокий уровень безопасности, так как данные шифруются на стороне отправителя и расшифровываются только на стороне получателя. Это делает их недоступными даже в случае перехвата. Широкое использование протокола TLS, в частности для защищённых HTTPS-соединений, создаёт надёжный канал для передачи данных, гарантируя их безопасность на всех уровнях взаимодействия между клиентом и сервером. Дополнительно, VPN-технологии обеспечивают защиту данных в открытых сетях, а шифрование коммуникаций между приложениями и базами данных защищает взаимодействие на внутренних уровнях системы [\[16\]](#).

Шифрование данных при хранении выполняет функции защиты как на уровне всего носителя, так и на уровне отдельных файлов. Полное шифрование дисков предотвращает доступ к данным при физическом компрометации носителя, например, при утере или краже устройства. На уровне файлов шифрование защищает структурированные и неструктурированные данные от как внешних, так и внутренних угроз. В случае использования облачных хранилищ стороннее шифрование и клиентское управление ключами обеспечивают дополнительный уровень безопасности, позволяя компаниям сохранять контроль над доступом к данным и их защите, даже если сам провайдер облачного сервиса сталкивается с утечкой.

Эффективное управление ключами, в свою очередь, играет критическую роль в безопасности шифрования. Системы управления ключами (KMS) позволяют централизованно контролировать процесс генерации, хранения и уничтожения ключей, что обеспечивает их безопасность и прозрачность. Разделение ролей и обязанностей при управлении ключами ограничивает доступ к ним и снижает вероятность несанкционированного использования. Регулярная ротация ключей также является важной практикой, которая позволяет своевременно минимизировать риски, связанные с компрометацией ключей, и поддерживает высокий уровень безопасности системы. Сохранение истории всех операций с ключами позволяет не только контролировать их использование, но и проводить анализ в случае выявления инцидентов безопасности, что способствует общей прозрачности и управляемости процесса.

Современные подходы к защите персональных данных всё чаще включают использование технологий анонимизации и псевдонимизации, которые становятся важными инструментами обеспечения конфиденциальности. Эти методы дают возможность обезличить данные, при этом сохраняя их ценность для аналитики и других целей, требующих обработки больших объёмов информации [\[17\]](#). Благодаря анонимизации и псевдонимизации снижаются риски, связанные с несанкционированным доступом, а организации получают возможность работать с данными, не нарушая законодательных требований и обеспечивая защиту личной информации.

Анонимизация данных представляет собой процесс, при котором удаляется возможность идентификации субъекта, что делает такие данные полностью обезличенными. После анонимизации данные теряют свой персональный характер, а их обработка становится более безопасной и в некоторых случаях выводится из-под действия законов о защите данных, таких как GDPR. Среди методов анонимизации можно выделить удаление идентификаторов, агрегацию данных, обфускацию, случайное размывание и канонимизацию. Например, в здравоохранении анонимизация позволяет проводить статистические исследования, не раскрывая личности пациентов, что делает её востребованной для научных целей. Основное преимущество анонимизации — высокая

степень защиты данных, даже в случае утечки. Однако анонимизация необратима, что исключает возможность восстановления исходной информации [\[18\]](#).

В отличие от анонимизации, псевдонимизация позволяет заменить идентификаторы данных специальными метками или кодами, сохраняя возможность восстановления исходной информации при наличии ключа. Применяя токены, кодирование данных или хеширование с секретным ключом, организации могут управлять данными, не нарушая конфиденциальности. Псевдонимизация позволяет использовать данные в аналитических целях, сохраняя доступ к личной информации только при необходимости. Это особенно важно в медицинских и аналитических системах, где доступ к исходным данным может понадобиться для повторного анализа или оказания услуг. Например, в маркетинговых исследованиях псевдонимизация позволяет собирать информацию о клиентах для анализа их поведения и предпочтений, при этом минимизируя риски раскрытия личности.

Каждая из технологий имеет свои преимущества и ограничения. Анонимизация обеспечивает более высокий уровень защиты, поскольку полностью исключает возможность идентификации, что делает её идеальной для обработки больших массивов данных, где идентификация субъекта не требуется. Псевдонимизация, в свою очередь, предоставляет гибкость использования данных, что полезно в ситуациях, когда требуется возможность восстановления идентифицирующих данных. Однако псевдонимизация требует надёжного управления ключами и строгого контроля за доступом к дополнительной информации, поскольку утечка ключей может привести к компрометации данных.

Применение анонимизации и псевдонимизации в информационных системах особенно актуально для таких сфер, как здравоохранение, аналитика и управление большими данными. В здравоохранении анонимизация позволяет безопасно использовать данные пациентов для исследования, а псевдонимизация позволяет обмениваться данными между медицинскими учреждениями без раскрытия личности пациентов. В аналитических системах компании могут безопасно анализировать пользовательские данные, используя анонимизацию или псевдонимизацию, что обеспечивает защиту конфиденциальности и позволяет использовать данные для улучшения качества услуг. В области больших данных анонимизация и псевдонимизация помогают обрабатывать массивы информации с учётом требований к защите конфиденциальности, а также позволяют безопасно использовать облачные технологии, исключая прямой доступ к персональным данным пользователей.

Биометрическая аутентификация стала одним из наиболее эффективных методов обеспечения безопасности доступа к данным и системам их обработки. Эта технология опирается на уникальные физиологические и поведенческие характеристики пользователя, такие как отпечатки пальцев, черты лица или голос, которые трудно подделать или передать. Благодаря этому биометрия надёжно защищает информацию от несанкционированного доступа.

Принципы биометрической аутентификации включают использование как физиологических, так и поведенческих данных. Среди физиологических методов популярны сканирование отпечатков пальцев, распознавание лица, радужной оболочки глаза и голосовых характеристик. Эти методы позволяют идентифицировать пользователя с высокой точностью и надёжностью. Поведенческие параметры, такие как анализ подписи или паттерны ввода текста, также используются для повышения уровня безопасности, однако в меньшей степени, чем физиологические показатели [\[19\]](#).

Главные преимущества биометрической аутентификации связаны с высоким уровнем безопасности и удобством использования. Биометрические данные сложно подделать или украсть, что выгодно отличает их от традиционных паролей или PIN-кодов. К тому же биометрические данные всегда «под рукой» — пользователю не нужно запоминать длинные пароли или использовать дополнительные устройства для подтверждения личности. Это сокращает время на аутентификацию и снижает вероятность социальных атак, таких как фишинг или манипуляции с помощью социальной инженерии.

Применение биометрической аутентификации на практике становится всё более распространённым. В корпоративной среде биометрия защищает доступ к конфиденциальным данным и рабочим устройствам, гарантируя, что только авторизованные сотрудники имеют доступ к информации. В финансовом секторе биометрия обеспечивает безопасность транзакций и доступ к банковским приложениям, снижая риски мошенничества. В медицинских учреждениях она ограничивает доступ к медицинским записям и контролирует рабочее время сотрудников. Государственные учреждения используют биометрию для допуска в зоны с высокой степенью безопасности и в электронных удостоверениях личности, что упрощает идентификацию граждан и повышает общую безопасность.

Развитие информационных систем и анализ рисков — это важные составляющие для повышения уровня безопасности персональных данных в условиях постоянно меняющихся киберугроз. Эффективная защита требует не только создания надёжных систем, но и их регулярного совершенствования, которое предполагает внедрение многоуровневых мер, позволяющих минимизировать риски и оперативно реагировать на возникающие угрозы.

Первым этапом в обеспечении безопасности информационных систем является регулярная оценка рисков и уязвимостей. Идентификация критически важных данных и активов позволяет выделить наиболее уязвимые и ценные компоненты системы, такие как данные специальной категории или финансовая информация. Анализ потенциальных угроз включает как внутренние риски (ошибки персонала, неправильные настройки систем), так и внешние, такие как кибератаки или природные катастрофы. Оценка вероятности инцидентов и их последствий помогает создать план приоритетных мер защиты, а использование международных стандартов, таких как ISO/IEC 27005 и NIST SP 800-30, упрощает процесс анализа и управления рисками.

Для выявления и устранения уязвимостей систем также важно тестирование на основе методов кибербезопасности. Пентесты (penetration testing) позволяют выявить слабые места, имитируя реальные атаки. Этот метод помогает оценить, насколько система устойчива к угрозам, и улучшить защиту за счёт выявления и исправления уязвимостей. Помимо пентестов, можно использовать моделирование инцидентов, симуляции реальных атак и тесты на проникновение, чтобы проверить готовность системы и сотрудников к потенциальным угрозам. Результаты тестирования помогают оценить текущий уровень защиты и скорректировать план безопасности, обновляя его в соответствии с выявленными уязвимостями и новыми киберугрозами [\[20\]](#).

Важным элементом является внедрение протоколов реагирования на инциденты, которые обеспечивают оперативное восстановление после кибератак и минимизацию ущерба. Разработка подробного плана действий в случае инцидента включает распределение ролей и задач между сотрудниками, а также установление систем мониторинга для быстрого обнаружения проблем. Классификация инцидентов по уровню критичности позволяет использовать соответствующие сценарии реагирования и направить усилия на

наиболее серьёзные угрозы. Устранение последствий включает изоляцию заражённых систем, восстановление данных и уведомление всех заинтересованных сторон, включая Роскомнадзор, если инцидент связан с утечкой персональных данных.

Интеграция с внешними партнёрами и государственными системами также является важным элементом стратегии безопасности. Сотрудничество с консультантами и использование специализированного ПО позволяют обеспечить систематический мониторинг и аудит, а взаимодействие с правоохранительными органами и Роскомнадзором помогает в координации действий в случае масштабных инцидентов. Также важно проводить регулярные тренировки и обучение персонала для повышения осведомлённости о киберугрозах и процедурах безопасности.

Защита специальных категорий персональных данных в Российской Федерации требует строгого соблюдения законодательства и применения комплексных мер, учитывая их повышенную чувствительность и возможные негативные последствия при несанкционированном доступе. К таким данным относятся сведения о расовой и этнической принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни, биометрические и генетические данные.

Организационные меры, направленные на повышение защиты данных, включают разработку стандартов и регламентов, обязательное обучение сотрудников и регулярные аудиты на соответствие требованиям законодательства. Эти меры помогают своевременно выявлять уязвимости и обеспечивают надлежащий уровень защиты при удалённой работе и иных потенциально уязвимых сценариях.

Технические меры предполагают использование современных технологий, таких как обязательное шифрование данных, а также анонимизация и псевдонимизация, что позволяет минимизировать риски идентификации в случае утечки. Регулярное тестирование, моделирование кибератак и пентесты повышают устойчивость информационных систем к внешним угрозам, а протоколы реагирования на инциденты обеспечивают оперативное устранение последствий при возникновении проблем безопасности.

Расширение полномочий Роскомнадзора усиливает контроль за соблюдением законодательства и способствует более эффективному регулированию процессов обработки данных. Ужесточение административной и уголовной ответственности за нарушения повышает мотивацию организаций соблюдать стандарты безопасности, снижая риски утечек и нарушений конфиденциальности.

Приведение российского законодательства в соответствие с международными стандартами, такими как GDPR, позволит интегрировать передовые практики и повысить уровень защищённости данных. Закрепление прав субъектов данных, прозрачность обработки и обязательство операторов информировать о действиях с данными укрепляют доверие к системе защиты персональных данных и делают её более предсказуемой и надёжной.

Таким образом, комплексный подход, основанный на сочетании организационных, технических и правовых мер, а также на международном сотрудничестве, создаёт прочную основу для защиты специальных категорий персональных данных. Постоянное совершенствование систем защиты, адаптация к новым вызовам и открытость в вопросах обработки данных способствуют созданию надёжной и устойчивой системы, которая соответствует современным требованиям и обеспечивает высокую степень безопасности.

Библиография

1. Алексеев И. В. Защита персональных данных в информационных системах: правовые и технические аспекты. Москва: Юрайт, 2019. 240 с.
2. Васильева Л. В., Иванов К. С. Современные технологии защиты информации в условиях цифровизации // Информационная безопасность. 2020. Т. 22, № 4. С. 35-42.
3. Гаврилова Т. С. Актуальные проблемы правового регулирования обработки персональных данных в России // Вестник права и юстиции. 2021. № 3. С. 47-53.
4. Европейский регламент по защите данных (GDPR) [Электронный ресурс]. URL: <https://gdpr-info.eu>. (дата обращения: 06.02.2025)
5. Методические рекомендации по защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных [Электронный ресурс] <https://rkn.gov.ru/methods-security>. (дата обращения: 06.02.2025)
6. Оценка влияния на защиту данных: руководство по проведению DPIA в соответствии с GDPR. Европейская комиссия [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/data-protection-directive/dpia-guidelines_en. (дата обращения: 06.02.2025)
7. Комлев Е. С., Сорокина М. В. Применение биометрической аутентификации для защиты персональных данных // Кибербезопасность и защита данных. 2022. Т. 14. № 1. С. 23-30.
8. Николаев В. Н. Управление информационными рисками в корпоративной среде // Защита информации и управление данными. 2021. Т. 10. № 2. С. 59-66.
9. Авдикова В. А. Алгоритм разработки подсистемы защиты персональных данных специальной категории в медицинском учреждении // Современные проблемы радиоэлектроники и телекоммуникаций. 2023. № 6. С. 229-234.
10. Бондаренко И. В. Правовой анализ проблем защиты персональных данных лиц, осужденных к лишению свободы участников СВО в условиях современной цифровизации общества // Аграрное и земельное право. – 2023. № 11(227). С. 195-197. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_11_195
11. Шуманская С. А. Правовое регулирование защиты персональных данных и повышение его эффективности // Юриспруденция и современная правовая система: актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 января 2025 года. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 50-55.
12. Реброва Н. М. Понятие персональных данных и способы их защиты по законодательству Российской Федерации // Российское государство и право: история и современность : сборник статей преподавателей и студентов направления подготовки «Юриспруденция», Новочеркасск, 30 ноября 2020 года / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2020. С. 34-45.
13. Окишев Б. А. Проблема отнесения сведений об инвалидности к специальным категориям персональных данных // Цифровые технологии и право : Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 томах, Казань, 22 сентября 2023 года. Казань: Издательство «Познание», 2023. С. 235-239.
14. Новикова Ю. А. Специальные категории персональных данных работников // Кадровик. 2022. № 8. С. 8-14.
15. Крылова М. С. Особенности правовой охраны специальных категорий персональных данных в сфере электронной связи в Европейском Союзе / // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2(129). С. 82-84.
16. Кирьянова Л. В. Правовой статус субъектов в институте «охрана персональных данных» // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 265-267.

17. Рузанова В. Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3(69). С. 77-83. DOI: 10.33184/pravgos-2022.3.10
18. Гайфуллина Д. М. Отдельные правовые аспекты биоэквайринга // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2024. № 5. С. 25-37.
19. Методы обеспечения безопасности персональных данных в медицинских информационных системах с использованием мобильных технологий / В. П. Гулов, В. А. Хвостов, А. В. Скрыпников [и др.] // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. 2020. Т. 19. № 4. С. 132-140. DOI: 10.36622/VSTU.2020.19.4.017.
20. Иванова М. А. Защита персональных данных работника: нормативное регулирование и проблемы обеспечения // Юридический мир. 2023. № 6. С. 17-21. DOI: 10.18572/1811-1475-2023-6-17-21

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Совершенствования механизма защиты специальной категории персональных данных» для опубликования в журнале «Право и политика». Представленная статья была проверена на соответствие политике журнала об опубликовании научных оригинальных исследований, а также паспорту научной специальности.

Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку уровень защищенности персональных данных в России вызывает опасения. Особой защите должны подлежать сведения, поименованные в ст. 10 ФЗ «О персональных данных», в силу их неопределенного толкования и отсутствия в России специализированного Регламента защиты персональных данных, аналогичного тому, что действует с 2018 года в странах Евросоюза - GDPR (General Data Protection Regulation). К сожалению, федеральный закон № 152 не содержит полного механизма, обеспечивающего неприкосновенность, защиту от утечки и достаточные меры ответственности виновных лиц в отношении таких сведений как расовая и этническая принадлежность, политические взгляды, религиозные убеждения, состояние здоровья и аспекты интимной жизни. В связи с этим автором совершенно обоснован выбор предмета исследования: правовые, технические и организационные методы защиты специальных категорий персональных данных и разработка рекомендаций по их совершенствованию. Обозначенная цель была достигнута автором путем исследования внутреннего и международного законодательства, регламентов и технических протоколов к ним; достижений современной науки и зарубежных практик защиты данных в различных отраслях жизнедеятельности человека и организаций. Это позволило автору на основе применения общих и специальных методов научного познания достичь решения следующих задач: поиск путей усиления правового регулирования; выявление современных технологий шифрования, анонимизации, псевдонимизации, а также биометрической аутентификации для ограничения несанкционированного доступа; определение организационных мер, в том числе в области обучения персонала компаний; выявление средств осведомленности субъектов данных; систематизация и анализ рисков путем моделирования инцидентов кибербезопасности и внедрения протоколов реагирования на угрозы.

Решение указанных задач позволило автору сформулировать следующие выводы и внести предложения, заслуживающие внимания. Сформулирован перечень

специализированных персональных данных, в который включены помимо указанных в действующем законодательстве, - биометрические и генетические данные. Предложено расширить полномочия Роскомнадзора, предусмотреть систему быстрого удаленного обмена данными по защищенным каналам связи между указанным ведомством, правоохранительными органами и компаниями о фактах утечки данных, принятых мерах и введенных по протоколам организационных и технических мер современной и своевременной защиты. Предложено усилить юридическую ответственность компаний и виновных в утечке данных лиц, в том числе путем введения специального состава уголовной ответственности. С последним предложением рецензент не совсем согласен ввиду минимальной раскрываемости уже существующих уголовно-наказуемых деяний. А потому дополнительная криминализация может повлечь дополнительный к уже существующей в уголовной практике так называемых «мертвоедействующих» составов. Однако личное убеждение рецензента ни сколь не умаляет значимости в этой части научных изысканий автора статьи. Работа содержит другие интересные прикладные решения, отражающие научную новизну проведенного исследования.

Текст статьи структурирован, логически последователен, изложен научным языком и соответствует требованиям, предъявляемым журналом «Право и политика» к научным публикациям.

Библиографический перечень достаточно обширный и включает в себя 20 источников, датированных с 2019 г. по настоящее время. В числе источников использованы 17 научных трудов, что обеспечило автору глубину и всесторонность исследования.

В целом статья будет интересна ученым, правоприменителю, обучающимся вузов и может быть рекомендована к опубликованию.

Англоязычные метаданные

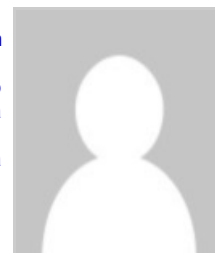
The results of the 2024 parliamentary elections in Uzbekistan and the modernization of electoral processes

Stroikov Sergei Petrovich

Postgraduate Student; Department of Comparative Political Science; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ a_a_chernenko@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze the specifics of the parliamentary elections in Uzbekistan in 2024 in the context of ongoing political reforms and democratization of the country, with an emphasis on assessing the effectiveness of the new mixed electoral system, the level of political competition, civic participation, and transparency of the electoral process. Special attention is given to the introduction of a mixed electoral system that combines proportional and majoritarian representation, reflecting a significant shift from previous electoral frameworks. This mixed system aims to balance the representation of diverse political interests while maintaining stability within the government. Furthermore, the adoption of technological innovations like electronic voting and optimized ballot designs is discussed.

Positive changes aimed at increasing transparency in the electoral process are also highlighted, particularly the enhanced involvement of women and ethnic minorities in politics. The efforts to ensure that various societal groups are represented in the parliament are a crucial aspect of these elections, as they signify a move towards a more inclusive political culture. Initiatives designed to encourage civic participation, such as public forums and awareness campaigns about the electoral process, demonstrate a commitment to engaging citizens in governance.

At the same time, key challenges are identified, including limited political competition, deficiencies in civic election monitoring, and strict restrictions on campaign activities. The study concludes with the necessity for further improvements to the electoral system to strengthen democratic institutions, foster political pluralism in electoral processes. It is imperative that the government addresses these challenges by promoting a freer political landscape, ensuring the integrity of election monitoring, and protecting the rights of candidates to campaign effectively. Only through these measures can Uzbekistan move towards a truly democratic society where the voices of all citizens are heard and valued in the political arena.

Keywords: mixed electoral system, electronic voting, parliamentary elections, political campaigns, democratization, Uzbekistan, politics, the electoral process, electoral system, Elections

References (transliterated)

1. Tursunov Q. New Uzbekistan and election legislation. Current research journal of philological sciences. 2021. <https://doi.org/10.37547/philological-crjps-02-12-10>.
2. Karimov I. Uzbekistan. World Statistics Pocketbook 2010. <https://doi.org/10.30875/7cee09ea-en>.
3. Garbuzarova E.G. Osobennosti politicheskikh protsessov v stranakh Tsentral'noi Azii na

- sovremennom etape // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. – 2024. – T. 26. – №3. – С. 477-490. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490
4. Ionova E. Itogi prezidentskikh vyborov v Uzbekistane: ekonomicheskii i politicheskii kurs Sh. Mirzieeva // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2021. № 4. S. 97-114. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-4-97-114>
  5. Dunleavy P., Margetts H. Mixed Electoral Systems in Britain and the Jenkins Commission on Electoral Reform. 1999. The British Journal of Politics and International Relations, 1, 12-38. <https://doi.org/10.1111/1467-856X.00002>.
  6. Sakamoto T. Explaining Electoral Reform. Party Politics, 5, 419. 1999. p. 438. <https://doi.org/10.1177/1354068899005004001>.
  7. Cyr H. Implementing Electoral Reform: Specific Issues with Regard to Forming and Maintaining a Responsible and Legitimate Government in Our Parliamentary Democracy. 2016.
  8. Katz R. Electoral Reform in Italy: Expectations and Results. Acta Politica, 41, 285-299.2006. <https://doi.org/10.1057/PALGRAVE.AP.5500161>.
  9. Lundell K. Electoral Reform and Party System Change: An Analysis of Nordic Elections with Two Different Electoral Systems. Scandinavian Political Studies, 31.2008. p. 363-383. <https://doi.org/10.1111/J.1467-9477.2008.00215.X>.
  10. Manow P. Electoral rules and legislative turnover: Evidence from Germany's mixed electoral system. West European Politics, 30, 195-207. 2007. <https://doi.org/10.1080/01402380601019852>.
  11. Karimov I. Uzbekistan. World Statistics Pocketbook 2010. <https://doi.org/10.30875/7cee09ea-en>.
  12. Nikolai B. The political process in Uzbekistan today: trends and prospects. Central Asia and the Caucasus. 2002.
  13. Hakimov R. Development of the legal framework of parliamentary control in uzbekistan: the main provisions of the law "on parliamentary control. International Journal of Approximate Reasoning, 4, 2068-2072. 2016. <https://doi.org/10.21474/IJAR01/1691>.
  14. Avatkov V., Rozhkova Z. Change of Political System and Presidential Elections in Uzbekistan in 2023. Russia and New States of Eurasia. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-72-81>.
  15. Muhamedovna S., Ravshanbekovna F., Ogli D. Content of elections and election legislation in Uzbekistan , 8. 2019. <https://doi.org/10.21070/IJPPR.V8I0.148>.
  16. Nikolai B. The political process in Uzbekistan today: trends and prospects. Central Asia and the Caucasus. 2008.
  17. Tursunov, A., & Valiev, S. Prospects for further development of the National parliament in new Uzbekistan. Obshchestvo i innovatsii. 2021. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-VOL1-ISS3-PP32-39>.
  18. Karimov, T. Stages of Development of the Legal Basis of Parliamentary Control in the Republic of Uzbekistan. International Journal of Social Science and Human Research. 2023. <https://doi.org/10.47191/ijsshr/v6-i8-53>

Nationalization, Expropriation, and Confiscation as the Grounds for Termination of Property Rights by the Will of the State: A Comparative Analysis

Kutovoi Nikita Sergeevich

Lawyer; Nikita Sergeevich Kutovoy's Law Office

195160, Russia, Saint Petersburg, Sverdlovskaya nab., 44, litera D, floor 4, office 414

✉ nk@kutovoi.ru

Abstract. The article is devoted to the legal analysis of mechanisms for the forced termination of property rights at the initiative of the state, including nationalization, expropriation, and confiscation. In modern conditions, especially in light of geopolitical changes, seizure of private and corporate property has gained particular significance. The study examines the theoretical foundations of these legal institutions, their regulatory framework in Russian legislation, and their compliance with international standards. Special attention is given to the practice of nationalizing the property of foreign companies and individuals, particularly in the context of economic sanctions and political decisions. Author analyzes existing gaps in legislation, such as the lack of clear definitions of expropriation and procedural mechanisms for nationalization. Various regulatory models in foreign countries, including the United States, European Union states, Venezuela, and Germany, are explored. The legal consequences of forced property seizure and possible directions for improving Russian legislation to enhance its predictability and protect property owners' interests are also considered. The study employs a comparative legal method to identify key differences between nationalization, expropriation, and confiscation. Historical, formal-legal, and doctrinal research methods are also used. The article's scientific novelty lies in the systematization of concepts, identification of legal characteristics and distinctions among these institutions. The author argues for the necessity of defining expropriation in Russian law and developing a special nationalization law to ensure procedural clarity and property rights protection. The study demonstrates that nationalization is recognized in international practice as a legitimate state policy tool, provided fair compensation is ensured. The analysis of foreign experience, particularly in the U.S. and EU countries, confirms the importance of a legislatively established compensation mechanism for forced property seizure. Based on the research findings, recommendations are proposed to improve Russian legislation, eliminate legal uncertainty, and establish balanced regulation of these institutions.

Keywords: international law, compensation, state regulation, forced seizure, property rights, requisition, confiscation, expropriation, nationalization, law enforcement practice

References (transliterated)

1. Shchennikova L. V. Grazhdansko-pravovaya nauka o natsionalizatsii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2012. – №. 4. – S. 179–186.
2. Khandakov Yu.S. Pravovaya legitimnost' natsionalizatsii // Internet-konferentsii Sibirskogo yuridicheskogo universiteta, 2021.
3. Karpov M.V. Natsionalizatsiya: tendentsii razvitiya doktriny i zakonodatel'stva // Lex Russica. – 2016. – № 5 (114). – S. 133–146.
4. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. – Konsul'tant Plyus: Statut, 2005.
5. Nechaev V. M. Ekspropriatsiya // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). – SPb., 1890–1907.
6. Zen'kov A.V. Ponyatie ekspropriatsii v zakonodatel'stve i doktrine sovetskogo perioda // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii. – 2013 – 3.

7. Boguslavskii M. M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. – Yurist", 2007.
8. Just Compensation // Cornell Law School Legal Information Institute, 2020.
9. Knudsen H. Expropriation of foreign private investments in Latin America. – University of Oregon, 1972.
10. Berrios R., Marak A., Morgenstern S. Explaining hydrocarbon nationalization in Latin America: Economics and political ideology // Review of International Political Economy. – 2011. – Т. 18. – № 5. – S. 673–697.
11. Stepanov S. A. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (uchebno-prakticheskii) k ch. I. 5-e izdanie. – Izdatel'stvo "Prospekt", 2015.
12. Kutovoi N.S. Sud'ba obremeneni pri prekrashchenii prava chastnoi sobstvennosti lits, svyazannykh s nedruzhestvennymi stranami, v Respublike Krym // Pravo i politika. 2024. № 9. S. 40–49. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.9.71540 EDN: ACGYNK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71540

Digital currencies in the system of objects of legal relations

Volkova Mariya Aleksandrovna

PhD in History

Associate Professor; Department of Public Law and Digital Law; Non-governmental educational private Institution of Higher Education 'Moscow Financial and Industrial University 'Synergy'.

119602, Russia, Moscow, Troparevo-Nikulino district, Pokryshkina str., 8 room 2 sq.197

✉ mvolkova2013@bk.ru

Bukaeva Irina Nikolaevna

PhD in Law

Associate Professor; Department of Civil Law and Process; Educational Institution of Trade Unions of Higher Education 'Academy of Labor and Social Relations'

32 Zarechnaya str., sq. 2, Balashikha, Russia, 143915

✉ er15@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the change in the policy of the Central Bank of Russia towards digital currencies, which resulted in the introduction of an experimental legal regime for their use in the field of international settlements. The legislative classification of cryptocurrencies as property has once again raised the issue of the place of digital currencies in the system of property relations. The digitalization of all spheres of public life has led to the transformation of the entire Russian legal system. The most debated and unresolved issue remains the legal regime of digital currencies in Romano-German law. The article provides a comparative analysis of the features of cryptocurrency, fixed by law, with its essential characteristics and features of other objects of civil rights: things, money, rights of obligations, digital rights. The similarity of cryptocurrencies with disembodied things is being investigated. A comprehensive methodological approach was used in the study of the existing scientific controversy. Based on analysis of the current legislation, as well as a comparative analysis of the legal regimes of various types of property, a conclusion is drawn about the specific nature of digital currency and the need to consolidate it in the Civil Code of the Russian Federation as an independent object of rights. The article is the first comprehensive study determining the place of digital currencies in civil legislation, conducted taking into account the changes in the Tax Code, which entered into force on January 1, 2025, the authors examined the positions of both Russian and foreign scientists conducting research on

various legal systems. The current regulatory legal acts are examined and the incorrectness of the formulations used is pointed out. According to the results of the analysis, it is noted that it is impossible to fully attribute digital currency to the list of objects of property relations fixed in the Civil Code of the Russian Federation. In this regard, it is concluded that it is necessary to expand the list of objects of civil rights contained in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, and an author's edition of this article is proposed.

Keywords: property rights, electronic money, monetary funds, object of law, rights of obligations, disembodied thing, digital rights, property, cryptocurrency, digital currency

References (transliterated)

1. Maining. Kriptovalyuta. Pravo: monografiya / R.Yu. Kolobov, A.N. Ogorodov, M.G. Tirsikh, R.Yu. Khertuev. – Irkutsk: Izdatel'stvo IGU. 2023. 107 s. DOI: 10.26516/ 978-5-9624-2185-8.2023.1-107
2. Goncharov A.I., Sadkov A.N, Sadkov V.A, Davudov D.A. Tsifrovaya valyuta v sovremennoi Rossii: yuridicheskoe sodержanie i mesto v oborote // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2023. Tom 16. № 3. S. 128-153. DOI:10.17323/2072-8166.2023.3.128.153.
3. Nieborak, T. (2024). Central Bank Digital Currency as a New Form of Money. Białostockie Studia Prawnicze, 29, 189-203. <https://doi.org/10.15290/bsp.2024.29.01.12>.
4. Sukhanov E. A. Rossiiskoe grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast': 4-e izd., M. Statut. 2015. – 958 s.
5. Lysenko A. N. Ponyatie i vidy imushchestva v grazhdanskom prave Rossii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.03. – Krasnodar : [b. i.], 2007. – 26 s.
6. Fedorov D. V. Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennykh zakonoproektakh s pozitsii inostrannogo opyta // Vestnik grazhdanskogo prava 2018. № 2. S. 30-74.
7. Podtserkovnyi, O., & Mogyl, L. (2023). Regarding the need to apply the theory of legal fiction when defining the concept of «cryptocurrency». *Economics and Law*. <https://doi.org/10.15407/econlaw.2023.01.011>.
8. Sazhenov A. V. Kriptovalyuty: dematerializatsiya kategorii veshchei v grazhdanskom prave // Zakon. – 2018. – № 9. – S. 106-121.
9. Gladkaya, E. N. K voprosu o meste tsifrovyykh ob'ektov v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav (na materialakh issledovaniya zakonodatel'stva gosudarstv-chlenov EAES) / E. N. Gladkaya // Tsifrovyte tekhnologii i pravo : Sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 6-ti tomakh, Kazan', 23 sentyabrya 2022 goda / Pod redaktsiei I.R. Begisheva [i dr.]. Tom 2. – Kazan': Izdatel'stvo "Poznanie", 2022. – S. 405-413. – EDN TDHPWT.
10. Yuan, B. (2023). Crypto-Currencies Are Objects of Property Rights. *Law and Economy*. <https://doi.org/10.56397/le.2023.04.01>.
11. Lolaeva A. S. Tsifrovye prava v strukture ob'ektov grazhdanskikh prav // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. № 6. S. 47-49.
12. Deryugina T. V. Tsifrovaya valyuta i tsifrovoy rubl': k voprosu o pravovoi novatsii // Tsivilist. 2022. № 1. S. 8-11.
13. Chan, T. (2023). The nature of property in cryptoassets. *Legal Studies*, 43, 480-498. <https://doi.org/10.1017/lst.2022.53>.

14. Andrianova N.G. Podkhody mezhdunarodnykh organizatsii k opredeleniyu sushchnosti kriptovalyut // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. 2023. № 2. S. 61-69. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.2.41023 EDN: EIYFTG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41023
15. Djati, R., & Dewi, T. (2024). Regulasi Metode Pembayaran Dengan Mata Uang Kripto (Cryptocurrency) Dalam Transaksi Bisnis Internasional. *Ethics and Law Journal: Business and Notary*. <https://doi.org/10.61292/eljbn.170>.
16. Zhelekhovska, T. (2024). Legal regulation of cryptocurrency and cryptocurrency operations in the European Union. *Visegrad Journal on Human Rights*. <https://doi.org/10.61345/1339-7915.2023.6.31>.
17. Korchagin A. G., Kosygina A. A., Gulevskii Ya. E. Pravovaya priroda kriptovalyuty // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 7 (211). S. 114-116.
18. Chilachava, M. (2023). The Role of Cryptocurrencies in Private Law and the General Framework for their Regulation. *Journal of Law*. <https://doi.org/10.60131/jlaw.1.2023.7064>.
19. Yadav, S., & Bhargava, V. (2024). Central Bank Digital Currency: Driving the Shift Towards a Global Cashless Society. *International Journal For Multidisciplinary Research*. <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2024.v06i02.14505>.

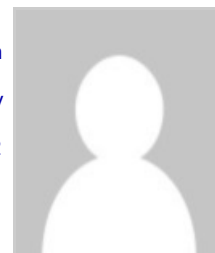
The social danger of cartels and the purpose of their criminalization

Troyanov Yaroslav Olegovich

Postgraduate Student, Department of Law Enforcement, Criminal Law and Process, Pskov State University

196128, Russia, Saint Petersburg, Varshavskaya str., 23k1, sq. 52

✉ jaroslawt96@mail.ru

Abstract. The recognition of an act as a crime is an expression of recognition of the public danger of such an act. One of the acts prohibited by the Criminal Code of the Russian Federation is the restriction of competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation). Competition is the fundamental idea of a market economy and the basic idea of the long-term development of the state economy and the well-being of citizens in the modern world. In this regard, it is justified not only to support it, but also to protect it from the state. At the same time, questions often arise about the need to protect it within the framework of the criminal law order, which leads to talk about the need to decriminalize cartels. The above issues, in turn, arouse scientific interest in the study of the crime itself and its impact on public relations. As you know, one of the principles of crime is public danger. At the same time, there is no unified approach in theory to understanding the social danger of cartels. The prevailing judicial practice also creates difficulties, indicating the presence of criminal law cartels only at auctions (when allocating budgetary and near budgetary funds). These circumstances led to the study of the understanding of public danger in general (as a concept) and the public danger of cartels in theory and in practice, in particular, as well as the study of two opposite approaches: decriminalization and tougher penalties for cartels. The methods of logical and analytical analysis of scientific papers, domestic and international legislation were used in the work. The author analyzes approaches to the interpretation of public danger, in particular economic crimes (which include Article 178 of the Criminal Code of the Russian

Federation) and gives his own conclusions about the interpretation of this understanding. The author analyzes judicial practice, theoretical approaches and draws conclusions about the goals of criminal punishment of cartel participants. Thus, the author came to the conclusion that the priority goal of criminalizing cartels is harm caused to the state budget, and not to the interests of economic entities operating in competitive markets. These conclusions are relevant for persons engaged in both theoretical research on the issue of criminal liability for restricting competition, and for persons engaged in law enforcement and law-making activities in the field of competition protection.

Keywords: limitation, Decriminalization, competition, public danger, anti-competitive agreement, collusion, The Cartel, bidding, business entities, Economy

References (transliterated)

1. Danilovskaya, A. V. Ekonomicheskoe obosnovanie ugovorno-pravovoi politiki v sfere okhrany konkurentsii / A. V. Danilovskaya // Lex Russica (Russkii zakon). – 2021. – T. 74, № 2(171). – S. 93-107. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.093-107. – EDN SZAFJZ.
2. Shishkin, M. V. Antimonopol'noe regulirovanie : Uchebnik i praktikum / M. V. Shishkin, A. V. Smirnov. – 1-e izd. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2020. – 1 s. – (Vysshee obrazovanie). – ISBN 978-5-534-08003-2. – EDN CTWBBS.
3. Danilovskaya, A. V. Kriminalizatsiya kak element ugovorno-pravovoi politiki v sfere okhrany dobrosovestnoi konkurentsii / A. V. Danilovskaya // Pravo i politika. – 2023. – № 12. – S. 67-85. – DOI: 10.7256/2454-0706.2023.12.69454. – EDN APKLDR.
4. Egorova, M. A. Pravovaya zashchita konkurentsii v usloviyakh formiruyushchikhsya tsifrovyykh rynkov / M. A. Egorova, O. V. Kozhevina, A. Yu. Kinev // Lex Russica (Russkii zakon). – 2021. – T. 74, № 2(171). – S. 40-49. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.040-049. – EDN PXUSLS.
5. Koryakov, O. O. Sgovor uchastnikov trgov kak naibolee opasnyi vid kartel'nogo soglasheniya / O. O. Koryakov // Voprosy sudebnoi deyatel'nosti i pravoprimereniya v sovremennykh usloviyakh : Sbornik statei po rezul'tatam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh tomakh, Simferopol', 31 marta 2023 goda / Sost. I.V. Khmil', pod redaktsiei S.A. Trofimova, E.V. Evsikovoi. Tom 1. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2023. – S. 789-796. – EDN JARJLO.
6. Zharikov, A. A. Sovremennye osobennosti konkurentsii v sfere gosudarstvennykh zakupok / A. A. Zharikov // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 87-7. – S. 51-55. – DOI: 10.18411/trnio-07-2022-271. – EDN LCHKZT.
7. Kuznetsova N.F. Prestuplenie i prestupnost' / N.F. Kuznetsova // Izbrannye trudy. – SPb: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. – 834 s.
8. Bochkarev S.A. O prirode obshchestvennoi opasnosti prestupleniya / S.A. Bochkarev // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. – 2009. № 5.
9. Lyapunov Yu.I. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak universal'naya kategoriya sovetskogo ugovornogo prava / Yu.I. Lyapunov. M.: Izd-vo VYuZSh MVD SSSR, 1989.
10. Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Khutov K.M. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikatsii // Pravoprimerenie. 2020. № 4.
11. Teslenko A.E. Obshchestvennaya opasnost' kak osnovanie kriminalizatsii ekonomicheskikh prestuplenii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii.

2010.

12. Bulaeva, A. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za ogranichenie konkurentsii / A. A. Bulaeva, E. O. Kobrusev // Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: upravlencheskie, pravovye, khozyaistvennye aspekty : sbornik nauchnykh statei 9-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 tomakh, Kursk, 21–22 noyabrya 2019 goda. Tom 1. – Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2019. – S. 99-102. – EDN UCHKEP.
13. Bokhan, A. P. Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii obshchestvenno-opasnykh deyanii i dekriminalizatsii deyanii, utrativshikh obshchestvennuyu opasnost' / A. P. Bokhan, S. P. Stavilo // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2022. – № 11(150). – S. 114-118. – EDN YTCWUT.
14. Danilovskaya A.V. Ugolovno-pravovaya politika v sfere okhrany dobrosovestnoi konkurentsii i konkurentnaya politika: sootnoshenie i problemy vzaimozavisimosti // Yuridicheskie issledovaniya. – 2023. – № 9. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.9.43993 EDN: VMQZQA
15. Fedorov, Yu. V. Tsifrovye karteli-kak novyi sposob ogranicheniya konkurentsii (stat'ya 178 UK RF) / Yu. V. Fedorov // Pravo i upravlenie. – 2023. – № 12. – S. 542-547. – DOI: 10.24412/2224-9133-2023-12-542-547. – EDN EMJWQF.
16. Dzhon M. Konor. Nadbavki za fiksirovanie tsen: 3-e izdanie. Fevral' 2014.
17. Levenshtein M.K., Suslov V.Yu. Chto opredelyaet uspek kartelya? // Zhurnal ekonomicheskoi literatury. 2006. №1. Vypusk 44.
18. Rilei A. Modernizatsiya kartel'nykh sanktsii: effektivnye sanktsii za sgovor tsen v Evropeiskom Soyuze // Obzor evropeiskogo zakonodatel'stva o konkurentsii. – 2011. №32(11). С. 558-560.
19. Katsoulakos, Yu. Sochetanie kartel'nykh shtrafov i chastnykh iskov o vozmeshchenii ushcherba: vliyanie na kartel'nye tseny / Yu. Katsoulakos, Motchenkova E., Ul'pf D // Mezhdunarodnyi zhurnal Promyshlennoi Organizatsii. – 2020. № 73. – S. 1-18.
20. Foks E. Na puti k mirovomu antimonopol'nomu zakonodatel'stvu i dostupu k rynkam // 91 Amerikanskii zhurnal mezhdunarodnogo prava – 1997. № 1.
21. Rigo E.R. Gosudarstvennye predpriyatiya na Blizhnem Vostoke, v Severnoi Afrike i Tsentral'noi Azii: razmer, rol', effektivnost' i problemy. // Mezhdunarodnyi valyutnyi fond, Publikatsionnye sluzhby, Vashington – 2021.
22. Dkharna S.N. Printsip konkurentnoi neitral'nosti gosudarstvennykh predpriyatii k dostupu k pravosudiyu po voprosam delovoi praktiki // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. № 3 – 2023. S. 1287-1302.
23. Vid'yaga G. Obshchestvennoe ponimanie robotizirovannoi trgovli v kontekste torgovogo prava: sil'nye i slabye storony. Vebologiya (ISSN: 1735-188X)-№19 (1). – 2022.
24. Androsov, S. V. Osnovnaya prichina, prepyatstvuyushchaya preduprezhdeniyu prestupnykh kartel'nykh soglashenii (st. 178 UK RF) / S. V. Androsov // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 20–21 yanvarya 2022 goda. – Moskva: Blok-Print, 2022. – S. 536-540. – EDN SIZEBR.
25. Yakovlev-Chernyshev, V. A. Osobennosti kartel'nykh sgovorov na gosudarstvennykh torgakh / V. A. Yakovlev-Chernyshev // LUCHShAYa NAUCHNAYa STAT'Ya 2022 : sbornik statei XLVII Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Penza, 30 yanvarya 2022 goda. – Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. – S. 145-147. – EDN UXNVSZ.

26. Abibulaev, E. S. Razvitie sovremennykh monopolii / E. S. Abibulaev, A. A. Ametov // Natsional'nye ekonomicheskie sistemy v kontekste formirovaniya global'nogo ekonomicheskogo prostranstva : Sbornik nauchnykh trudov / Pod obshchei redaktsiei Z.O. Adamanovoi. – Simferopol' : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Ariall», 2022. – S. 14-17. – EDN SAUURS.
27. Kuz'menko, A. V. Vliyanie kartel'nykh soglashenii na ekonomiku Rossiiskoi Federatsii / A. V. Kuz'menko, K. R. Guseinova // Molodezh' i sistemnaya modernizatsiya strany : Sbornik nauchnykh statei 7-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, Kursk, 19–20 maya 2022 goda. Tom 1. – Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2022. – S. 236-239. – EDN OFIUVX.
28. Peperkorn L. Politika konkurentsii ne yavlyaetsya vremennym resheniem! // Zhurnal evropeiskogo konkurentnogo prava i praktiki. – 2021. Tom. 12. Vyp. 6.
29. Urlikh Kh. Chastnoe ispolnenie Pravil ES o konkurentsii – prenebrezhenie nedeistvitel'nost'yu / Kh. Urlikh // Mezhdunarodnyi obzor zakonodatel'stva ob intellektual'noi sobstvennosti i konkurentsii. – 2021. – №2. – S. 606-635.
30. Khemdorf K. Kontseptsiya sovmestnoi prestupnoi gruppy i vnutrigosudarstvennye sposoby otvetstvennosti uchastnikov prestupleniya: sravnenie nemetskogo i angliiskogo prava // Zhurnal mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudiya. – №1 – S. 208-210.

The constitutional prohibition of the use of evidence obtained in violation of the law in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation

Belyshkov Dmitry Sergeevich

Postgraduate student; Faculty of Law; State Academic University of Humanities

26 Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russia

✉ belyshkov@mail.ru

Abstract. The work delves into the history of the application of the constitutional rule prohibiting the use in court of evidence obtained in violation of the law. The author achieves the goal of identifying systemic contradictions in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation – a balance between the letter of the law and the search for truth. Since 2017, the courts have begun to sift out only evidence with "significant" violations, leaving a loophole, which is proposed to be called the "principle of good faith violation." However, the boundary between significant and non-essential violations has not been marked. This research made possible to trace the case law transition from rigid formalism to a flexible system for assessing violations. Current case law does not contain clear criteria for assessing the materiality of violations, which creates legal uncertainty and does not allow predicting the outcome of judicial discretion. The methodology of the work is based on the study of acts of the Supreme Court of Russia, using methods of analysis and the comparative legal method. The author proposed, by means of a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, to consolidate the classification of criteria for the materiality of violations, which reflects the novelty of the study. Such a system will stop the "patronage of the prosecution": judges will stop turning a blind eye to violations of the investigation, and the accused will receive predictable guarantees. In order for the idea to work, it is necessary to consolidate the rules in a new resolution of the Supreme Court Plenum, which will become a

bridge between the theory of law and judicial reality. The results of the study should be considered as a tool for reform, which will allow achieving a balance between formalism and objective truth. The evolution of approaches to the admissibility of evidence in Russian criminal proceedings reflects a deep conflict between formal guarantees of legality and the pragmatics of law enforcement. The introduction of the "period of objective truth" in 2017, fixed by Resolution No. 51 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, shifted the focus from the unconditional exclusion of evidence violating the law to an assessment of its materiality. This gave rise to the "Principle of Good Faith Infringement", which allows preserving the evidentiary value of materials obtained with procedural violations if the court characterizes them as insignificant. However, the lack of clear criteria for materiality has led to legal uncertainty, weakened protection of the rights of the accused and risks of abuse by the investigation. The dualism between constitutional prohibition and case law threatens the rule of law by transforming procedural guarantees into a flexible prosecution tool.

Keywords: criminal process, classification, bona fide violation, essential violations, admissibility, exception, proof, criminal proceedings, evidence, Constitutional prohibition

References (transliterated)

1. Nadonenko O.N. Formirovanie ekspertnoi komissii-eshche odna "kantselyarskaya oshibka" ili nedopustimoe dokazatel'stvo // Administrator suda. – 2023. – № 3. – S. 20-24.
2. Kachalov V.I., Kachalova O.V., Markovicheva E.V. Rassmotrenie ugovnogo dela v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva: nauchno-prakticheskoe posobie. Moskva: Prospekt, 2023. – 96 s.
3. Mizulina E.B. Stenogramma parlamentskikh slushanii na temu «15 let so dnya prinyatiya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: strategiya sovershenstvovaniya ugovnogo pravosudiya» 20 dekabrya 2016 goda // <http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf> (data obrashcheniya: 20.02/2025)
4. Shyrugin A. Zashchita v sudoproizvodstve s uchastiem kollegii prisyzhnykh zasedatelei // Rossiiskaya yustitsiya. – №№ 8, 9. 1997.
5. Kaznacheiskii V.V. Pokazaniya ponyatogo, sushchestvuyushchie problemy realizatsii konstitutsionnogo prava ne svidetel'stvovat' protiv sebya // Rossiiskii sud'ya. 2023. – № 10. – S. 26-30.
6. Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sostyazatel'nom ugovnom sudoproizvodstve: monografiya / E.K. Antonovich, T.Yu. Vilkova, L.M. Volodina i dr.; otv. red. L.N. Maslennikova. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: NORMA, INFRA-M, 2022. 448 s.
7. Gasparyan N. Negativnaya praktika obrela pravovoi fundament v Postanovlenii Plenuma VS RF (nachalo) // Advokatskaya gazeta. – 2018. – <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pochemu-dopustimy-nedopustimye-dokazatelstva/> (data obrashcheniya: 08.03.2024)
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95610/ (data obrashcheniya: 20.02.2025)
8. Vilkova T.Yu., Maksimova T.Yu., Nichiporenko A.A. Perspektivy razvitiya ugovnogo sudoproizvodstva v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva i gosudarstva // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2024. – № 12. – S. 132-141.
9. Balakshin V.S. K voprosu o ne predusmotrennykh v stat'e 75 UPK RF osnovaniyakh

priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi // Rossiiskaya yustitsiya. – 2024. – № 5. – S. 24-33.

10. Smirnov A.V. K voprosu o priznanii dokazatel'stv nedopustimymi v ugolovnom protsesse: ekzistentsial'nyi printsip // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2024. – № 3. – S. 20-23.
11. Sitnikov A. E. Kriterii priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi v ugolovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii // Vestnik nauki. – 2023. – № 3 (60).
12. Esina A. S., Chikovani M. A. K voprosu ob otsenke dokazatel'stv na nalichie svoistva dopustimosti v khode predvaritel'nogo rassledovaniya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2024. – № 3.
13. Isaenko V.N., Vlasov Yu.Ya. Sudebnaya praktika v informatsionno-analiticheskom obespechenii prokurorskogo nadzora za ispolneniem trebovaniy zakona o dopustimosti dokazatel'stv // Ugolovnoe pravo. – 2023. – № 2. – S. 59-65.

Improving the mechanism of protection of a special category of personal data

Novikov Petr Aleksandrovich

Postgraduate student; Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

44 Lermontovsky Ave., Lit.A, Saint Petersburg, 190020, Russia

✉ petnovikov.81@mail.ru

Abstract. With the constant growth of digitalization and the use of various electronic platforms, any data leaves behind traces of information that relate to both publicly available and special categories of data. The article discusses the problems of protecting special categories of personal data in the context of digitalization and growing threats to information security. The regulatory framework of the Russian Federation, as well as international standards such as the General Data Protection Regulation, are analyzed in order to identify deficiencies in the protection of highly sensitive data, including information about health, biometrics, political and religious beliefs. A comprehensive approach to improving the mechanism for protecting this data is proposed, including technical and organizational measures, strengthening legal regulation, the introduction of encryption technologies, anonymization, biometric authentication, and a risk assessment system. The article describes ways to enhance the role of Roskomnadzor in ensuring data security, including through expanding its powers and toughening responsibility for violations. The research methods are aimed at a holistic and integrative understanding of the problem, therefore, the research included an analysis of regulatory legal acts and existing mechanisms for protecting special categories of data, a study of technological aspects used to ensure security, as well as an assessment of potential threats and weaknesses in their processing. The scientific novelty lies in the development and implementation of innovative approaches and technologies that provide a higher level of security and confidentiality of specific information related to the personal lives of citizens. With the rapid development of digital technologies and an increase in the volume of data processed, personal data protection is becoming a critical task to prevent unauthorized access, use and dissemination of information. One of the key aspects of scientific novelty is the adaptation of existing legal norms to modern technological challenges, which includes the development of new methods of user identification and authentication. The conclusions of the study are aimed at developing recommendations for improving the protection of confidential information, contributing to the adaptation of national legislation to

international requirements and effectively countering security threats in the field of personal data.

Keywords: data protection technologies, cybersecurity, information security, confidential information, data anonymization, legal regulation, biometric authentication, data encryption, special category of data, personal data

References (transliterated)

1. Alekseev I. V. Zashchita personal'nykh dannykh v informatsionnykh sistemakh: pravovye i tekhnicheskie aspekty. Moskva: Yurait, 2019. 240 s.
2. Vasil'eva L. V., Ivanov K. S. Sovremennye tekhnologii zashchity informatsii v usloviyakh tsifrovizatsii // Informatsionnaya bezopasnost'. 2020. T. 22, № 4. S. 35-42.
3. Gavrilova T. S. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya obrabotki personal'nykh dannykh v Rossii // Vestnik prava i yustitsii. 2021. № 3. S. 47-53.
4. Evropeiskii reglament po zashchite dannykh (GDPR) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://gdpr-info.eu>. (data obrashcheniya: 06.02.2025)
5. Metodicheskie rekomendatsii po zashchite personal'nykh dannykh pri ikh obrabotke v informatsionnykh sistemakh personal'nykh dannykh [Elektronnyi resurs] <https://rkn.gov.ru/methods-security>. (data obrashcheniya: 06.02.2025)
6. Otsenka vliyaniya na zashchitu dannykh: rukovodstvo po provedeniyu DPIA v sootvetstvii s GDPR. Evropeiskaya komissiya [Elektronnyi resurs] URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/data-protection-directive/dpia-guidelines_en. (data obrashcheniya: 06.02.2025)
7. Komlev E. S., Sorokina M. V. Primenenie biometricheskoi autentifikatsii dlya zashchity personal'nykh dannykh // Kiberbezopasnost' i zashchita dannykh. 2022. T. 14. № 1. S. 23-30.
8. Nikolaev V. N. Upravlenie informatsionnymi riskami v korporativnoi srede // Zashchita informatsii i upravlenie dannymi. 2021. T. 10. № 2. S. 59-66.
9. Avdikova V. A. Algoritm razrabotki podsistemy zashchity personal'nykh dannykh spetsial'noi kategorii v meditsinskom uchrezhdenii // Sovremennye problemy radioelektroniki i telekommunikatsii. 2023. № 6. S. 229-234.
10. Bondarenko I. V. Pravovoi analiz problem zashchity personal'nykh dannykh lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody uchastnikov SVO v usloviyakh sovremennoi tsifrovizatsii obshchestva // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2023. № 11(227). S. 195-197. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_11_195
11. Shumanskaya S. A. Pravovoe regulirovanie zashchity personal'nykh dannykh i povyshenie ego effektivnosti // Yurisprudentsiya i sovremennaya pravovaya sistema: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii : Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 25 yanvarya 2025 goda. Penza: MTsNS «Nauka i Prosveshchenie» (IP Gulyaev G.Yu.), 2025. S. 50-55.
12. Rebrova N. M. Ponyatie personal'nykh dannykh i sposoby ikh zashchity po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskoe gosudarstvo i pravo: istoriya i sovremennost' : sbornik statei prepodavatelei i studentov napravleniya podgotovki «Yurisprudentsiya», Novocherkassk, 30 noyabrya 2020 goda / Yuzhno-Rossiiskii gosudarstvennyi politekhnicheskii universitet (NPI) imeni M.I. Platova. Novocherkassk: Yuzhno-Rossiiskii gosudarstvennyi politekhnicheskii universitet (NPI) imeni M.I. Platova, 2020. S. 34-45.

13. Okishev B. A. Problema otneseniya svedenii ob invalidnosti k spetsial'nym kategoriyam personal'nykh dannykh // Tsifrovye tekhnologii i pravo : Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 6 tomakh, Kazan', 22 sentyabrya 2023 goda. Kazan': Izdatel'stvo «Poznanie», 2023. S. 235-239.
14. Novikova Yu. A. Spetsial'nye kategorii personal'nykh dannykh rabotnikov // Kadrovik. 2022. № 8. S. 8-14.
15. Krylova M. S. Osobennosti pravovoi okhrany spetsial'nykh kategorii personal'nykh dannykh v sfere elektronnoi svyazi v Evropeiskom Soyuze / // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 2(129). S. 82-84.
16. Kir'yanova L. V. Pravovoi status sub'ektov v institute «okhrana personal'nykh dannykh» // Yuridicheskaya nauka. 2023. № 4. S. 265-267.
17. Ruzanova V. D. Personal'nye dannye kak grazhdansko-pravovaya kategoriya // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 3(69). S. 77-83. DOI: 10.33184/pravgos-2022.3.10
18. Gaifullina D. M. Otdel'nye pravovye aspekty bioekvairinga // Nauchnyi Al'manakh assotsiatsii France-Kazakhstan. 2024. № 5. S. 25-37.
19. Metody obespecheniya bezopasnosti personal'nykh dannykh v meditsinskikh informatsionnykh sistemakh s ispol'zovaniem mobil'nykh tekhnologii / V. P. Gulov, V. A. Khvostov, A. V. Skrypnikov [i dr.] // Sistemnyi analiz i upravlenie v biomeditsinskikh sistemakh. 2020. T. 19. № 4. S. 132-140. DOI: 10.36622/VSTU.2020.19.4.017.
20. Ivanova M. A. Zashchita personal'nykh dannykh rabotnika: normativnoe regulirovanie i problemy obespecheniya // Yuridicheskii mir. 2023. № 6. S. 17-21. DOI: 10.18572/1811-1475-2023-6-17-21